

Джекоб Эббот

**Дарий Великий. Владыка половины
Древнего мира**

Вступление

Хроники Дария Великого входят в число самых важных анналов истории Персии. Около 600 года до нашей эры основатель Персидской империи Кир Великий совершал поход на территории, расположенные к северу от реки Аракс, с целью расширения своих владений и дальнейшего прославления себя путем подчинения обитавших там нецивилизованных племен. В одну из ночей, когда Кир пересек большую реку на пути к новым победам, он увидел необычный сон. Во сне ему явился сын одного из царских советников, не наследовавший трон, Дарий, в образе человека, из плеч которого росли крылья, отбрасывавшие тень на весь известный тогда мир. Кир заподозрил, что Дарий постепенно завладеет его империей. Он немедленно послал гонца с наказом Гистаспу, отцу Дария, бдительно следить за сыном до тех пор, пока царь не вернется из похода. Однако Кир погиб в бою, наследником престола стал один из двух законных сыновей Кира – Камбиз.

Во время своего правления Камбиз постарался раздвинуть границы империи и завоевать новые земли. Он направился в Египет, властитель которого, как считал новый персидский монарх, предал его отца, затеяв сложную интригу. В Египте Камбиз добился больших побед, но на обратном пути узнал о заговоре, в результате которого был убит его брат Смердис, а трон в Сузах, столице империи, захватил самозванец. Власть узурпировал местный маг, которого тоже звали Смердисом и который был поразительно похож на наследника. Возвращаясь спешно в столицу, Камбиз, по иронии судьбы, был тяжело ранен лезвием меча, выпавшего из ножен, когда он садился на коня. К несчастью, рана оказалась роковой, узурпатор прочно утвердился на троне.

Среди участников заговора против мнимого Смердиса был дальний родственник Камбиза и, следовательно, Кира, – тот самый Дарий, явившийся Киру в провидческом сне некоторое время назад. В конце концов, было решено определить следующего правителя Персидской империи посредством оригинального состязания. Как гласит предание, Дарий прибег в ходе состязания к обману, чтобы получить трон, но все последующие события в его жизни, как говорят, подлинны. Перечень достижений Дария был представлен многочисленными надписями, высеченными на отвесной Бехистунской скале, которая высится у главного шоссе, связывающего современные Ирак и Иран. Впервые надписи обнаружил в 1621 году итальянский путешественник, но лишь в начале XVIII века сэр Генри Роулинсон смог воспользоваться име-

ющимся переводом бехистунских надписей, сделанных на трех языках, для раскрытия секретов клинописного письма и богатой истории Ближнего Востока.

Предисловие

Описывая характеры и деятельность исторических персонажей этой биографической серии, автор отнюдь не стремился сгущать краски в оценке их актов насилия и несправедливости или отягощать недобрую славу, которую оставили в памяти человечества эти сверхчеловеки и завоеватели своими амбициями, деспотизмом, а также ужасными и безрассудными преступлениями. Более желательным на самом деле представляется сдерживание, нежели нагнетание духа нетерпимости, который часто побуждает одних людей сурово осуждать ошибки и проступки других, совершенных в обстоятельствах, неведомых первым. Кроме того, осуждение или поношение пороков в ходе повествования о событиях, в которых эти пороки проявляются, мало способствует пробуждению здорового нравственного начала в читателе. По нашим наблюдениям, такие поношения отнюдь не случайно встречаются в священных библейских текстах крайне редко. Рассказы о невоздержанности и мятеже Авессалома, прелюбодеяниях и убийстве, совершенных Давидом, тирании Ирода и другие повествования о преступных деяниях ведутся в спокойной, простой, беспристрастной и сдержанной манере, которая побуждает нас осуждать грехи, но не питать фарисейских чувств мести и гнева к грешникам.

Такой пример повествования, столь очевидный и достойный, автор этой биографической серии взял за образец во всех отношениях.

Глава 1

Камбиз

Кир Великий и его завоевания

Около шести столетий до нашей эры почти всю континентальную Азию объединяла обширная империя. Основателем ее был Кир Великий. По происхождению он был персом, и империю часто называют Персидской монархией по имени его родной провинции.

Кир не довольствовался присоединением к своим владениям всех цивилизованных азиатских государств. На закате своей жизни он задумал приобрести еще большую славу и власть, подчинив на севере за рекой Аракс территории, населенные полудикими племенами. Царь собрал армию соответствующей численности и выступил походом на страну, которой правила туземная царица Томирис. В походе с ним произошли разные приключения, о которых подробно повествуется в нашей истории о Кире. Здесь следует остановиться, однако, на одном происшествии. Оно касается удивительного сна, который увидел царь в одну из ночей, последовавшей сразу же за переходом реки.

Чтобы объяснить надлежащим образом суть этого сна, необходимо сначала сообщить, что у Кира было два сына – Камбиз и Смердис. Царь оставил их в Персии, когда отправился походом за Аракс. В то время жил в одном из крупных городов империи молодой человек примерно двадцати лет, по имени Дарий, – сын одного из знатных царедворцев Кира, которого звали Гистасп. Помимо того что Гистасп принадлежал к дворцовой знати, он, подобно всем знатым особам того времени, занимал командную должность в царской армии. В то время, о котором идет речь, Гистасп сопровождал Кира в походе в глубь территориальных владений туземной царицы и находился вместе с царем в армейском лагере.

Видимо, Кир имел дурные предчувствия относительно исхода своего предприятия и, стремясь сохранить спокойствие в империи во время своего отсутствия и обеспечить наследование его власти законным преемником на случай своего невозвращения из похода, перед уходом за Аракс назначил своего сына Камбиза регентом в своих владениях и доверил ему управление империей в ходе соответствующей церемонии. Она происходила на границе империи перед форсированием армией реки. В этих условиях

отец размышлял, естественно, о возможных решениях своего сына и трудностях, с которыми тому пришлось бы столкнуться после того, как на него свалилось бы бремя ответственности. Несомненно, на этом были сосредоточены помыслы Кира, и, вероятно, отсюда проистекает его удивительный сон.

Царю снилось, что пред ним появился Дарий с огромными крыльями, растущими из плеч. Дарий стоял на границе между Европой и Азией, его крылья распростерлись в обе стороны, покрывая тенью весь известный мир. Когда Кир проснулся и поразмыслил над зловещим сновидением, ему показалось, что сон пророчит большую опасность его империи в будущем. Он выглядел знамением того, что власть Дария распространится однажды на весь мир. Возможно, сын царедворца уже сейчас вынашивает амбициозные предательские планы. Кир немедленно послал за Гистаспом, отцом Дария. Когда тот вошел в царский шатер, ему было приказано вернуться в Персию и бдительно следить за поведением сына, пока царь не вернется из похода. Получив задание, Гистасп отправился его выполнять. Принятая мера предосторожности, вероятно, принесла какое-то облегчение Киру. Царь двинулся со своей армией дальше.

Вскоре Кир погиб в бою. И представляется, что, хотя сон царя в конечном счете оправдался, на тот момент Дарий не помышлял завладеть тронem, поскольку не пытался вмешаться в традиционный порядок перехода верховной власти от Кира к его сыну Камбизу. Во всяком случае, этот процесс прошел гладко. Когда весть о смерти Кира дошла до столицы, его сын Камбиз взял правление империей в свои руки.

Главным событием правления Камбиза стала война с Египтом по весьма своеобразному поводу.

Во все века было известно, что некоторые особенности почвы, климата и воздуха Египта вызывали глазные болезни. Жители страны болели этими недугами, им были подвержены и зарубежные армии, постоянно вторгавшиеся в страну. Тысячи солдат-завоевателей нередко теряли из-за них боеспособность и слепли. Естественно, страна, подверженная такой болезни, рождает и лучших ее лекарей. Во всяком случае, так считали в древности, и, соответственно, когда какой-нибудь могущественный монарх того времени или члены его семьи страдали офтальмией, за лекарем посылали в Египет.

Вышло так, что в один из периодов его жизни эта болезнь настигла и Кира. Он послал гонца за лекарем к царю Египта Амасису. Египетский монарх, подобно другим самодержцам своего времени, считавший подданных своими рабами, выбрал из своего окружения способного лекаря и приказал ему отправиться в

Персию. Лекарю уезжать очень не хотелось, тем более расставаться с женой и детьми, но приказ царя не подлежал обсуждению и пришлось подчиниться. Лекарь отправился в путь, замыслив придумать какой-нибудь способ отомстить египетскому царю за вынужденную отлучку.

Кир принял лекаря весьма радушно. Благодаря искусству врачевания или по какой-либо другой причине посланец египетского царя приобрел при дворе персидского монарха большое влияние. Наконец он придумал, как отомстить египетскому царю. У того была дочь весьма привлекательной наружности. Отец был сильно привязан к своему чаду. Лекарь посоветовал Киру посвататься к дочери Амасиса. Поскольку Кир был уже женат, египетская принцесса в случае прибытия была бы скорее его наложницей, чем женой, или, если бы она была признана женой, то приобрела бы второстепенное, подчиненное положение. Лекарь понимал, что в этих обстоятельствах египетскому царю ужасно не захочется отдавать принцессу Киру, хотя он едва ли осмелится отказать персидскому монарху. Как раз в надежде поставить Амасиса в крайне неудобное положение посредством сватовства столь могущественного персидского властителя лекарь и давал свой совет.

Киру совет лекаря понравился. Он направил в Египет гонца со свадебным предложением. Как и ожидал лекарь, египетский царь не мог перенести разлуки с дочерью таким образом, с другой стороны, он не посмел вызвать гнев могущественного персидского монарха прямым и откровенным отказом. Наконец, царь решил прибегнуть к хитрости, чтобы выйти из затруднительного положения.

При его дворе содержалась молодая красивая принцесса-пленница, по имени Нитетис. Ее отец, которого звали Априс, был прежде царем Египта, но Амасис сверг его и убил. С этих пор Нитетис стала пленницей. Поскольку она была весьма красива и умна, Амасис решил отправить ее к Киру под видом дочери, руки которой тот добивался. По этому случаю Нитетис одели в роскошное платье, снабдили подарками, многочисленной свитой и отправили в Персию.

Новая невеста пришлась Киру весьма по душе. Фактически Нитетис превратилась в его главную фаворитку, хотя жена царя Кассандана и ее дети Камбиз и Смердис ревновали и ненавидели египтянку. Однажды знатная персидская дама, находившаяся во время дворцового приема рядом с Кассанданой и обратившая внимание на двух стройных молодых сыновей царицы, восхитилась царевичами и сказала Кассандане: «Как вы, должны быть, горды и счастливы, имея таких детей!» – «Нет, наоборот, – ответи-

ла Кассандана, – я несчастна, потому что царь презирает и игнорирует меня, несмотря на то что я имею таких детей. Вся его нежность растрачивается на эту египтянку». Камбиз, слышавший этот разговор, сопереживал обиде матери. «Потерпи, мама, – сказал он, – я отомщу за тебя. Как только стану царем, я пойду походом в Египет и переверну все в этой стране вверх дном».

Намерение Камбиза завоевать Египет после восшествия на престол поощрялось и его отцом. Хотя Кир и был очарован женщиной, присланной ему из Египта, он все же возмутился обманом египетского царя.

Кроме того, все крупные азиатские страны были уже включены в состав Персии. Естественно, дальнейшее расширение империи могло происходить лишь за счет стран Европы и Африки. Египет казался наиболее уязвимым, а потому доступным для завоевания за пределами Азии. Хотя сам Кир, достигший преклонного возраста и больше интересовавшийся другими планами, не был готов к походу в Африку, он одобрял намерение сына.

Камбиз, подобно многим сыновьям богатых и могущественных властителей, отличался горячностью, нетерпением и своеволием. Каким-то внутренним чутьем такие отроки перенимают амбиции и чаяния своих отцов. Поскольку их детские капризы и влечения, как правило, удовлетворяются, они не приучены к самоконтролю и вырастают тщеславными, самодовольными, безрассудными и жестокими. Завоеватель, основывающий империю, даже при том, что его характер на склоне лет ухудшается, обычно знаком, хотя бы отчасти, с умеренностью и великодушием. Отпрыск же, наследующий власть отца, редко наследует и добродетели, которые сопровождали эту власть. В случае с Киром и Камбизом это проявилось наиболее заметно. Отец был благоразумным, осмотрительным, мудрым, часто великодушным и сдержанным человеком. Сын же вырос опрометчивым, импульсивным, неспособным контролировать себя. Он был высокого мнения о своем величии и власти, но презирал права других и был равнодушен к идеям, имеющим целью осчастливить окружающий мир. История его жизни иллюстрирует зло, которое может принести принцип наследуемого самодержавия так же отчетливо, как и в случае с Альфредом Великим в Англии.

Сразу же после смерти отца Камбиз начал подготовку к египетскому походу. Во-первых, следовало определить, как переправить в страну персидские войска. Египет представляет собой вытянутую узкую полосу земли, к которой подступают скалы и пески Аравийской пустыни с одной стороны и Сахары – с другой. Удобных путей доступа к этой стране не было, за исключением морского, но у Камбиза не было достаточного количества кораблей

для морской экспедиции.

В то время как новый царь Персии размышлял над этой проблемой, в столицу империи Сузы, бывшей резиденцией монарха, прибыл дезертир из армии Амасиса. Его звали Фанес. Это был грек, командовавший прежде греческими наемниками, которые входили в качестве вспомогательных сил в армию Египта. Поссорившись с Амасисом, грек бежал в Персию, намереваясь принять участие в походе, который замыслил Камбиз, чтобы отомстить египетскому царю. Рассказывая о себе, Фанес сообщил, что ему удалось бежать из Египта с большим трудом, поскольку Амасис, узнав о побеге, послал за ним вдогонку один из своих самых быстрых кораблей – галеру с тройным рядом весел. Галера настигла судно, на борту которого находился грек, когда тот уже высаживался на побережье Малой Азии. Египтяне захватили судно и взяли Фанеса в плен. Они немедленно стали готовиться в обратный путь, посадив грека под стражу и приказав не спускать с него глаз. Фанес, однако, сумел наладить со стражниками хорошие отношения и предложил им распить вместе кувшин вина. Он дождался, когда стражники опьянели, и ускользнул от них. С большими предосторожностями он избежал нового плена и пробрался к Камбизу в Сузы.

Фанес сообщил Камбизу много сведений по географии Египта, рассказал об удобных местах для нападения на египетские войска, о характере и ресурсах египетского царя. Грек посоветовал Камбизу отправиться в поход сушей, через Аравию, а для обеспечения безопасного прохода в Египет направить к предводителю арабов посольство с просьбой помочь персидским войскам пройти через их территорию. Камбиз так и поступил. Арабы тоже захотели участвовать в войне против египтян. Они разрешили персам свободный проход через свою территорию. Для подкрепления своих обязательств арабский предводитель заключил соглашение с персами.

Большим затруднением, с которым столкнулась бы армия Камбиза, пересекая на пути в Египет пустыню, была бы нехватка воды. Поэтому арабский предводитель распорядился направить в пустыню большие караваны верблюдов, навьюченные мехами с водой. Верблюжьи караваны были высланы заблаговременно, до начала похода персидских войск и в те места, где потребность в воде была бы наибольшей. Греческий историк Геродот, совершивший путешествие в Египет не так уж много лет спустя после этих событий и описавший затем все, что видел и слышал, рассказал еще об одном способе, посредством которого арабский вождь, как утверждают, доставлял воду в пустыню. Речь идет о канале или трубопроводе, соорудившемся из бычьих шкур, про-

тянувшемся в песках на расстояние двенадцатидневного перехода в глубь пустыни от какой-нибудь реки, протекавшей в его владениях! Геродот говорит, что не поверил этим рассказам, хотя в написанном им историческом труде повсюду преподносятся как подлинные тысячи историй, гораздо более фантастических, чем идея доставки воды по кожаному трубопроводу описанным способом.

Как бы то ни было, арабский предводитель обеспечил водой армию Камбиза, которая благополучно прошла через пустыню. Наконец она вышла к границам Египта. Здесь персы узнали, что Амасис умер и престол наследовал его сын, Псамметих. Он выступил с войском навстречу вторгшейся в пределы его государства персидской армии. Произошло ожесточенное сражение. Египтяне были разбиты, а Псамметих бежал с остатками войск в верховья Нила в город Мемфис, чувствуя к интервентам жгучую ненависть. Ведь фактически у Камбиза не было предлога или оправдания для войны с Египтом. Бывшего царя Египта, который обманул отца Камбиза, уже не было в живых, а к наследнику египетского трона и народу страны не могло быть каких-либо претензий. Поэтому Псамметих расценивал вторжение Камбиза в Египет как произвол и ничем не оправданную агрессию. В глубине души он считал, что захватчики не заслуживают никакой пощады и не должны рассчитывать на милосердие. Вскоре египтяне захватили на реке в плен галеру с двумя сотнями персов. В ярости они растерзали персидских воинов на куски, что разозлило, в свою очередь, Камбиза. Война продолжилась дальше, причем зверская жестокость проявлялась с обеих сторон.

Во время египетского похода Камбиз настолько отличился на ниве бесчеловечных и жестоких действий, что люди сочли его безумцем. Сначала он проявлял некоторое подобие сдержанности, но в конце концов дошел до крайних способов насаждения зла и насилия.

Что касается сдержанности, то ее может продемонстрировать почти единственный известный пример обращения персидского царя с Псамметихом. В ходе войны Псамметих со всей семьей попал к персам в плен. Через несколько дней после этого Камбиз вывел несчастного царя за ворота города показать ему спектакль. Он состоял в том, что любимая дочь египетского монарха, одетая в платье рабыни, вместе с дочерьми знатных египтян и приближенных к царскому двору спускалась к реке с тяжелыми кувшинами за водой. Эту печальную сцену вместе с Псамметихом наблюдали отцы убитых горем девушек, остро переживавшие унижение своих детей. Проходя мимо, девушки громко плакали, их мучили стыд и ужас. Их отцы не могли сдержать чувств сострада-

ния. Камбиз же стоял улыбаясь рядом, он явно получал удовольствие от трагического спектакля. Лишь Псамметиха, казалось, не трогало происходившее, он стоял спокойно. Царь словно сбросил отчаяние и оцепенел. Камбиз был разочарован. Персидскому монарху не могло понравиться, что его жертва не испытывает мук, которым он ее подвергает.

За одной процессией последовала другая. Она состояла из египетских юношей с веревками на шеях, бредущих к месту казни. Камбиз приказал, чтобы за каждого из персов, убитых на захваченной египтянами галере, казнили по десять египтян. Поскольку на галере находилось 200 персов, казни подлежали 2 тысячи египтян. Их выбрали среди сыновей из знатных семей. Родители, только что наблюдавшие за тем, как их милые и грациозные дочери занимаются тяжелым подневольным трудом, были вынуждены теперь следить за шествием на казнь длинной вереницы своих сыновей. Возглавлял колонну сын Псамметиха. Отцы и матери египтян, окружавшие Псамметиха, плакали и громко стонали при виде процессии своих чад, обреченных на смерть. Псамметих же оставался безмолвным и неподвижным, он, как и прежде, стоял с отсутствующим видом. Разочарование Камбиза росло. Без очевидных страданий жертвы, которую мучил персидский монарх, спектаклю, предназначенному для поверженного египетского царя, недоставало завершенности.

За второй колонной пленников настала очередь идти толпе изможденных людей разных сословий, которых всегда в избытке после захватов и грабежей осажденных городов. Среди них Псамметих узнал одного из своих друзей. Пленник был богатым и знатным египтянином, его часто приглашали во дворец царя и угощали во время пира. Теперь же друга Псамметиха низвели до крайнего истощения, он умолял окружавших дать ему что-нибудь поесть, чтобы спастись от голодной смерти. Увидев своего друга в таком ужасном состоянии, царь Египта стряхнул с себя оцепенение. В изумлении и жалости он окликнул несчастного по имени, а затем разрыдался.

Увидев это, Камбиз послал к Псамметиху слугу, справиться, в чем дело. «Мой господин желает знать, – сказал слуга, – почему ты спокойно смотрел на дочь, занятую рабским трудом, и на сына, идущего на казнь, но опечалился из-за страданий постороннего человека». Псамметих передал через слугу, что он опечален своей неспособностью помочь несчастному другу, его же скорбь и боль в связи с трагической участью детей были слишком велики, чтобы вызвать слезы.

Окружение Камбиза стало теперь сочувствовать египетскому царю и заступаться за него перед персидским монархом. Камбиза

попросили пощадить сына Псамметиха. Тем читателям, которые знакомы с нашим повествованием о Кире, будет интересно узнать, что плененный царь Лидии Крёз, который, как они помнят, был передан отцом перед своей гибелью в роковом походе на попечение Камбиза и который сопровождал нового персидского царя в походе на Египет, был среди самых активных ходатаев за Псамметиха. Камбиз позволил себя уговорить. Послали гонца с приказом отменить экзекуцию сына египетского царя, однако он прибыл слишком поздно. Несчастливого царевича уже лишили жизни. На Камбиза все это так подействовало, что он воздержался в дальнейшем от каких-либо насильственных действий в отношении Псамметиха и его семьи.

Тем не менее, персидский деспот начал продвижение в верховья Нила, разоряя и грабя по пути страну. Наконец он завладел гробницей, в которой покоилось забальзамированное тело Амасиса. Царь приказал вытащить тело из саркофага и сделать его объектом глумления. По его приказу персидские солдаты били мертвого Амасиса прутьями, как будто он был все еще жив, пинали ногами и полосовали мечами. С головы трупа вырвали с корнями волосы, а безжизненное тело нафаршировали всеми мыслимыми видами гадостей. Затем Камбиз распорядился сжечь изувеченные и загаженные останки египетского царя, что для египтян явилось самым большим оскорблением, какое только можно было придумать.

Камбиз не упускал случая, чтобы оскорбить религиозные, вернее, суеверные чувства египтян. Его солдаты вторгались в египетские храмы, оскверняли их алтари и подвергали любую святыню египтян надругательству и глумлению. Среди религиозных святынь египтян был священный бык по имени Апис. Время от времени по всей стране среди этих животных выбирали священную особь по особым признакам, которые определяли жрецы на его шкуре и которые свидетельствовали о его божественной природе. Этого священного быка содержали в великолепном храме, кормили отборной пищей и ухаживали за ним с крайним благоговением. Чтобы напоить быка, использовали золотые сосуды.

Камбиз наведаясь в город, где содержался бык, как раз в то время, когда жрецы проводили религиозную церемонию в праздничной и жизнерадостной обстановке. Персидский царь возвращался из неудачного похода и при вступлении в город был раздражен. Радость и веселье египтян, участвовавших в религиозной церемонии, разозлили его еще больше. Камбиз велел убить жрецов, руководивших церемонией. Затем он потребовал, чтобы ему показали помещение, где содержалось священное животное. После оскорблений и насмешек над чувствами египетских почи-

тателей культа персидский царь нанес несчастному животному несколько ударов своим кинжалом. Бык в результате полученных ран умер, всю страну охватили ужас и негодование. Египтяне считали, что поступок нечестивого злодея неизбежно навлечет на него кару небес.

Во время пребывания в Египте Камбиз затеял несколько безрассудных военных походов в соседние страны. В припадке гнева, вызванного неудовлетворительным ответом его послам, царь внезапно и без соответствующей подготовки вторгся с войском в Эфиопию. Продовольственные запасы его армии истощились уже после того, как она прошла всего пятую часть пути. Однако, одержимый слепым безрассудством, Камбиз велел продолжать поход. Некоторое время его воины ели овощи, которые удавалось обнаружить в пути. Когда иссяк этот источник питания, они убивали и ели вьючных животных. Наконец, доведенные до крайнего состояния голода, они стали убивать и есть друг друга. Только после этого Камбиз велел возвращаться. Однажды он послал в пустыню в направлении храма Амона большую армию без необходимых для этого приготовлений. Его армия так и не достигла пункта назначения, но и не вернулась. Жители оазиса утверждали, что персы попали в песчаную бурю и были занесены песком.

Камбизу служил один воин по имени Прексасп. Это был своего рода близкий друг и компаньон царя; его сын, наделенный совершенными духовными и физическими достоинствами юноша, подносил царю кубки с напитками, что считалось важной и почетной должностью. Однажды Камбиз спросил Прексаспа, что думает о царе народ Персии. Прексасп ответил, что персы высказываются о нем доброжелательно во всех отношениях, кроме одного. Царь пожелал узнать, что это за исключение. По словам Прексаспа, в народе было распространено мнение о чрезмерном пристрастии царя к вину. Эти слова оскорбили Камбиза. Под влиянием несправедливого гнева, который так часто толкает людей на грубость по отношению к себе подобным, ни в чем не виновным, – гнева, вызванного лишь тем, что они слышат не то, что им хочется слышать, царь решил наказать Прексаспа за откровенность. Он велел сыну воина, виночерпию, встать у противоположной стены помещения. «Теперь, – сказал царь, – я проверю, что говорят обо мне люди». Произнеся эти слова, Камбиз взял лук и стал натягивать стрелу на тетиву. «Если я не поражу юношу прямо в сердце, – продолжал царь, – то это докажет правоту людей. Если же мне удастся это сделать, значит, персы ошибались и я пью не так уж много, чтобы ослабла твердость моей руки». С этими словами царь поднял лук, спустил с тетивы стрелу, которая пронзила грудь юноши. Тот упал, и Камбиз хладнокровно прика-

зал слугам обнажить грудь юноши и дать Прексаспу проверить, попала ли стрела в сердце сына.

Эта жестокость и целый ряд подобных ей бесчеловечных и безрассудных действий вызвали в мире молву о безумстве Камбиза.

Глава 2

Гибель Камбиза

Среди других проявлений разнузданного своеволия, которое навсегда запятнало имя Камбиза, была его женитьба на собственных двух сестрах, одну из которых он взял с собой в египетский поход. Для всех людей, за исключением тех, которые с раннего возраста усвоили привычки к самому беззастенчивому и гнусному пороку, достаточно природных инстинктов, чтобы удержаться от подобных преступлений. Видимо, сам Камбиз испытывал дурные предчувствия, когда задумал первый из этих браков. Он обратился в совет судей с просьбой высказать свое мнение о законности такого брака. В таких случаях цари обращаются за советом не потому, что они действительно хотят получить ответ на вопрос о том, как следует оценить их поступок с позиций добра и зла, а потому, что, задумав совершить свой порочный поступок, они желают получить от своих советников легальную санкцию, оправдывающую их бесчестные действия, и предупредить общественное негодование, которое они могут вызвать.

Судьи, к которым обратился Камбиз, хорошо понимали, что от них требуется. После обстоятельного совещания они прислали царю ответ такого содержания: хотя им не удалось найти закона, позволяющего мужчине жениться на своей сестре, имеется в наличии много законов, позволяющих монарху действовать по своему усмотрению. В соответствии с этим заключением Камбиз немедленно осуществил свое намерение жениться. Сначала он взял в жены старшую сестру по имени Атосса. Впоследствии она стала выдающимся историческим персонажем. Атосса была дочерью Кира, женой Дария и матерью Ксеркса. Она явилась связующим звеном трех могущественных властителей Востока. Насколько сестры желали разделить вину за кровосмесительные браки, остается тайной. Та из них, что отправилась в египетский поход с Камбизом, отличалась мягким и покладистым характером, будучи в этом отношении полной противоположностью своему брату. Возможно, вступив с ним в брак, она лишь уступила деспотической воле Камбиза.

Помимо сестры, Камбиз взял в египетский поход своего брата Смердиса. Он был младше Камбиза, но превосходил его в физической силе и других достоинствах. Камбиз относился к этому весьма ревниво. Он не осмелился оставить брата править в Персии на время своего отсутствия, опасаясь, что тот воспользуется времен-

ной властью для захвата трона. Камбиз решил увезти Смердиса в Египет, а временное управление государством оставить двум регентам-магам. Маги занимали в правящей иерархии высокое положение, но не имели наследственных прав на престол. Как полагал Камбиз, это уменьшит опасность узурпации ими власти. Случилось так, что одного из магов звали тоже Смердис. Это совпадение имен мага и царевича привело в конечном счете к весьма серьезным последствиям.

Стесненность и зависть, которые Камбиз испытывал в общении с младшим братом, не исчезли полностью после того, как тот отправился вместе с царем в египетский поход. Находясь под личным наблюдением царя, Смердис в ряде случаев проявил мужество и такие военные способности, что Камбиз стал опасаться его влияния на командиров и солдат. Наконец произошел случай, который распалил зависть царя еще больше, и он решил отправить брата назад в Персию. А произошло следующее.

После того как Камбизу удалось завладеть всем Египтом, он наряду с другими безрассудными планами задумал вторжение на земли эфиопов, проживавших во внутренних районах Африки вокруг истоков Нила и за ними. Эфиопы славились своей свирепостью и храбростью. Перед выступлением в поход Камбиз захотел разведать их территорию и решил послать туда своих шпионов. Но поскольку Эфиопия была далеко, а ее жители сильно отличались от других народов по обычаям, языку, одежде и поведению, персидским лазутчикам вряд ли удалось бы пробраться тайком в земли эфиопов и добыть там информацию, не обнаружив себя. Фактически вызывала сомнения сама возможность для лазутчиков добраться до Эфиопии.

Но далее в верховьях Нила, близ водопадов, в районе, где река расширяется и образует нечто вроде лагуны, находился большой и плодородный остров Элефантин, который населяло полудикое племя иктиофагов. Туземцы промышляли главным образом ловлей рыбы, и поэтому у них было много лодок, на которых они привыкли совершать продолжительные путешествия вверх и вниз по реке. Название племени происходило от его основного занятия. Это греческое слово, и оно переводится буквально как «едоки рыбы». Образ жизни и обычаи полуцивилизованных или диких народов тесно связаны со способом добывания ими средств существования. Некоторые из них зависят от охоты на диких зверей, другие – от скотоводства, третьи – от земледелия, четвертые – от речного или морского рыболовства. Эти четыре различных способа добывания пропитания ведут к такому же количеству совершенно различных образов жизни; любопытно, однако, что в то время как племя охотников существенно отличается от

племени скотоводов или рыбаков, хотя они могут жить по соседству, все племена охотников, какие бы расстояния их ни разделяли, очень похожи друг на друга по характеру, обычаям, способам общения. Так обстоит дело и с остальными упомянутыми выше племенами, связанными с другими видами деятельности. Греки заметили эти особенности различных диких племен и, где бы они ни встречали племя, промышлявшее рыбной ловлей, называли его иктиофагами.

Камбиз связался с иктиофагами с острова Элефантин, попросив их предоставить проводников, знающих путь в Эфиопию и эфиопский язык. Он сформировал из них посольство и снабдил послов подарками, которые надлежало передать правителю Эфиопии в знак дружбы. Подарки, однако, были лишь предлогом для посещения страны послами, фактически шпионами. Расчет строился на том, что под этим предлогом послы посетят эфиопскую столицу и двор правителя, не подвергая себя опасности, а затем доставят Камбизу добытую информацию.

Подарки представляли собой такие безделушки и украшения, которые, по мнению персов, понравятся свирепому правителю. Среди них было несколько богатых облачений разной окраски, золотые цепочки на шею, золотые браслеты, алебастровая шкатулка с весьма ценными духами и другие изделия подобного рода, а также большой кувшин вина.

Иктиофаги взяли с собой подарки и отправились в путь. После длительного путешествия они прибыли в страну эфиопов и доставили их правителю подарки с сопроводительным письмом Камбиза. Подарки, сказали они, посланы Камбизом в знак его желания стать другом и союзником эфиопского правителя.

Правитель, вместо того чтобы поверить в лицемерный обман, сразу же разоблачил его. Он сказал, что прекрасно понимает мотивы отправки к нему Камбизом такого посольства, и порекомендовал Камбизу довольствоваться тем, что имеет, а не строить агрессивные планы насчет своих соседей. Затем эфиопский правитель обратился к подаркам, которые привезли послы. Он взирал на них с пренебрежением. Потом он заметил пурпурное облачение и поинтересовался, натуральная или искусственная окраска ткани, из которой сшито платье. Гонцы ответили, что ткань окрашена, и стали объяснять процесс покраски. Однако, вопреки ожиданиям гонцов, полагавших, что их разъяснения произведут впечатление на туземного властелина, этого так и не дождались. Он проникся лишь еще большим презрением к тому, что считал фальшивым великолепием. «Красота облачений Камбиза столь же обманчива, – сказал он, – сколь и его заверения в дружбе». С тем же пренебрежением правитель отнесся к золотым браслетам

и цепочкам, усматривая в них компенсацию за навязывание эфиопам оков и цепей. Он сказал, что эти вещи, может быть, подходят изнеженным персам, но они чрезвычайно малы для него. Вино, тем не менее, властителю понравилось. Он выпил его с большим удовольствием и сказал послам из племени иктиофагов, что это единственный подарок, который заслуживает того, чтобы его принять.

В ответ на присланные Камбизом подарки правитель Эфиопии, отличавшийся необычайной силой, вручил послам свой лук, дабы они передали его Камбизу в качестве символа непреклонности Эфиопии. Он предложил царю проверить, есть ли в его армии воин, способный согнуть этот лук. «Скажите Камбизу, – добавил эфиоп, – что он сможет помышлять о вторжении в Эфиопию только тогда, когда его воины смогут сгибать подобные луки, а пока же он может почитать за счастье, что эфиопы не так амбициозны и жадны, чтобы стремиться напасть на него».

Когда посольство вернулось к Камбизу с ответным посланием из Эфиопии, самые сильные персидские воины, разумеется, захотели убедиться, смогут ли они согнуть лук. Смердис оказался единственным, кто смог это сделать. Доказав свое превосходство в силе над другими, он прославился еще больше. Возросли также ревность и раздражение Камбиза в связи с этим. Он решил отправить Смердиса назад в Персию. Будет лучше, думал он, подвергнуться риску восстания дома, чем держать брата при дворе, постоянно подвергая себя унижению и огорчению из-за бесконечных демонстраций его превосходства.

Однако царь не успокоился после отъезда брата. Напряженные думы и беспокойные сны, в которых являлся Смердис, не давали ему покоя. Однажды ночью царю приснилось, что он видит Смердиса сидящим на троне и разросшимся в размерах до такой степени, что его голова касалась неба. На следующий день Камбиз, посчитавший, что сон пророческий и Смердис собирается захватить царский трон, решил разом покончить со всеми своими тревогами и страхами. Он вызвал воина дворцовой стражи – того самого Прексаспа, сына которого убил выстрелом из лука, как было рассказано в предыдущей главе, и велел ему немедленно отправляться в Персию, чтобы убить Смердиса. Убийство сына Прексаспа, рассказ о котором иллюстрировал скверный характер Камбиза, произошло на самом деле после того, как Прексасп вернулся из Персии.

Прексасп уехал в Персию и убил Смердиса. Имеются различные версии того, как это произошло. По одной из них, посланец царя придумал способ утопить Смердиса в море; по другой – брат Камбиза был отравлен, по третьей – его убили в лесу, когда он отпра-

вился на охоту. Как бы то ни было, дело было сделано, Прексасп вернулся в военный лагерь Камбиза и доложил, что царю больше не нужно беспокоиться о замышляемых братом планах.

Между тем Камбиз становился с каждым днем все более деспотичным и жестоким. Однажды он велел по ничтожному поводу закопать живьем двенадцать своих царедворцев. Поразительно, что в государстве могут быть установления и правила, позволяющие одному человеку так возвыситься над другими, что подобные его приказы выполняются беспрекословно. В другой раз сестра и жена Камбиза, горевавшая из-за смерти Смердиса, отважилась посетовать мужу на это. Присев на край стола с цветком в руке, она стала медленно обрывать его лепестки и отрывать от стебля кусочки, оставляя их на столе. Женщина спросила Камбиза, какой цветок нравится ему больше: целый или разорванный на кусочки. «Разумеется, целый», – сказал Камбиз. «Однако ты, – упрекнула его жена, – начал рвать на части и уничтожать нашу семью, как я только что уничтожила этот цветок». Услышав этот упрек, Камбиз метнулся к сестре с яростью тигра. Он швырнул ее на пол и стал топтать ногами. Слугам удалось оттащить и увести ее. Однако побои оказались роковыми, женщина тяжело заболела и умерла.

За этими внезапными и ужасными припадками гнева Камбиза следовали, как это часто бывает, раскаяние и нытье. Иногда его воины, предвидя смену настроений господина, не выполняли его жестоких приказов, а прятали жертву его слепой и безрассудной ярости, пока она не проходила. Так было в случае с Крёзом. С годами Крёз превратился в почтенного старца. Он был долгое время другом и преданным советником отца Камбиза. Он знал Камбиза с детства. Кир поручил ему смотреть за сыном, помогать советами во всех необходимых случаях исходя из своего опыта и умудренности жизнью. Во время последней встречи с сыном перед своей гибелью Кир и его обязал оберегать Крёза как старого и надежного друга отца, относиться к нему с уважением и вниманием.

В связи с этим Крёз посчитал себя вправе указать однажды Камбизу на неуравновешенность его поведения и жестокость. Он сказал царю, что следует сдерживать свои вспышки гнева, что, хотя персидские воины и подданные прошли с ним такой длинный путь, они могут не выдержать его чрезмерных жестокостей и восстать. Таким образом царь может неожиданно лишиться власти, которой пользуется столь неводержанно и безрассудно. Крёз извинился за совет, заметив, что чувствует себя обязанным предостеречь Камбиза от опасности, повинаясь указаниям отца царя, Кира.

Услышав эти слова, Камбиз рассвирепел. Он накричал на Крёза, заявив, что тот слишком самонадеян, давая ему такие советы. Камбиз с издевкой стал укорять его в собственных несчастьях, потере много лет назад своего царства – Лидии, а потом обвинил Крёза в даче неверных советов Киру, из-за чего на долю отца до конца его жизни выпадали тяжкие испытания. Наконец, распалившись в гневе, Камбиз упрекнул Крёза в том, что тот давно ненавидит его, и сказал, что он уже долго вынашивает намерение наказать бывшего правителя Лидии. «А теперь, – сказал Камбиз, – ты предоставил мне удобный случай для этого». Произнося эти слова, царь схватил свой лук и стал налаживать на его тетиву стрелу. Крёз бежал. Камбиз велел слугам поймать и убить его. Воины понимали, что царь будет сожалеть о своем поспешном, безрассудном приказе, как только утихнет его гнев, поэтому они спрятали Крёза. Через несколько дней, когда тиран начал рассказывать, а также оплакивать смерть Крёза, ему доложили, что тот жив. Воины сказали, что они осмелились спасти его, потому что хотели удостовериться, действительно ли царь решил предать Крёза смерти. Камбиз был безмерно рад сообщению о том, что Крёз остался жив, однако не простил спасителей бывшего лидийского царя. Персидский монарх велел всех их казнить.

Камбиз предавался с тем большим остервенением своим жестокостям, что верил в определенные чары. В Мидии он советовался с оракулом относительно перспектив своей жизни, и тот предсказал, что царь умрет в Экбатане. Теперь Экбатана стала одной из трех столиц империи наряду с Сузами и Вавилоном. Экбатана располагалась севернее двух других столиц и вдали от опасных регионов. Основные правительственные решения принимались в Вавилоне и Сузах, между тем Экбатана использовалась больше как резиденция царей. Она служила убежищем от опасности, местом уединения монархов в случае болезни и старческой немощи. Словом, Сузы считались центром управления, Вавилон – торговым центром, а Экбатана – домашней резиденцией.

И поскольку оракул в ответ на просьбу Камбиза предсказать обстоятельства его смерти сказал, что царю суждено умереть в Экбатане, это означало, как полагал Камбиз, что его ожидает спокойная смерть в собственной постели в положенный час. Считая, что судьба устранила с его жизненного пути все опасности внезапной или насильственной смерти, он предавался порокам и капризам, помня лишь о сути предсказания, но забыв конкретный смысл слов.

В дальнейшем Камбиз, покорив Египет, повернул со своей армией на север, двигаясь вдоль побережья Средиземного моря,

пока не достиг Сирии. Частью Сирии была область Галилея, часто упоминаемая в Библии. Пересекая Галилею во главе передового отряда армии, Камбиз прибыл в небольшой городок и расположился там лагерем. Городок был столь незначительным, что персидский царь даже не знал его названия. Однако привал в этом месте был отмечен весьма памятным событием. Царь встретил здесь глашатая, который, разъезжая по Сирии, говорил, что он послан из Суз объявить народу Сирии, что Смердис, сын Кира, взял в свои руки управление империей и отныне всем ее подданным следует подчиняться повелениям, исходящим только от нового царя!

Камбиз был убежден, что Смердис мертв, ведь Прексасп сказал, что убил младшего брата царя. Теперь он вызвал Прексаспа и спросил, что означает эта новость из Персии. Тот настаивал, что Смердис мертв, он лишил его жизни собственными руками и видел, как его похоронили. «Если мертвые способны встать из могилы, – добавил Прексасп, – тогда Смердис, возможно, поднял против тебя восстание, но ни в каком другом случае».

Прексасп посоветовал царю послать отряд воинов, чтобы схватить глашатая и выяснить на допросе, от имени какого правителя он выступает. Камбиз так и сделал. Глашатая схватили и привели к царю. На вопрос о том, верно ли, что Смердис действительно узурпировал власть и послал его объявить об этом, тот ответил утвердительно. Он сказал, что сам не видел Смердиса, поскольку тот не выходил из своего дворца, но ему сообщил о смене власти один из магов, которых Камбиз оставил управлять империей. Именно этот маг отправил глашатая оповестить о восшествии Смердиса на престол.

Прексасп заявил после этого, что у него нет сомнений в осуществлении заговора с целью захвата власти теми двумя магами, которых Камбиз оставил временно управлять империей. Он напомнил Камбизу, что одного из магов звали Смердис и что, вероятно, этот Смердис и узурпировал власть. Камбиз согласился с ним. Сон, в котором он видел Смердиса с головой, касающейся неба, относился – теперь уже царь не сомневался – к магу Смердису, а не к брату. Камбиз стал горько упрекать себя за то, что добивался смерти невинного брата, но его раскаяние вскоре сменилось яростью и стремлением отомстить подлинному узурпатору. Он кликнул своего коня и в страшной спешке стал садиться в седло, чтобы немедленно отдать приказание о подготовке похода на Сузы.

Когда он в ярости садился в седло, то случайно или по небрежению из-за спешки упали на землю ножны, обнажив меч, лезвие которого поранило бедро царя. Слуги подхватили Камбиза и от-

несли в его шатер. Осмотр раны показал, что она весьма опасна, а состояние сильного возбуждения, раздражение, досада, бессильная ярость, будоражившие разум пациента, не способствовали его выздоровлению. В ужасе перед возможным смертным исходом Камбиз спросил, как называется город, в котором он находится. Ему ответили, что название города Экбатана.

Царь никогда не думал, что могла существовать, помимо роскошной резиденции в Мидии, другая Экбатана, но, узнав название городка, в котором расположилась лагерь его армия, Камбиз понял, что пришел его последний час. Им овладели раскаяние и отчаяние.

Рана тоже доставляла царю невыносимые боль и страдания. Лезвие меча проникло до кости, и поэтому возникло сильное воспаление. Через несколько дней острая боль, которую испытывал царь, утихла, хотя область воспаления от раны разрасталась все больше, а состояние больного становилось безнадежным. Раненый царь лежал на своем ложе бледный, изможденный и жалкий.

На двенадцатый день после ранения Камбиз созвал ведущих царедворцев и военачальников, чтобы сообщить им о своей скорой смерти и о том, что несчастье, выпавшее на долю царя, вынуждает его рассказать в их присутствии то, что он скрыл бы в иных обстоятельствах. Человек, узурпировавший трон под именем Смердиса, сказал царь, не был и не мог быть его братом, сыном Кира. Камбиз рассказал своему окружению, как сон возбудил в нем страх перед возможностью захвата власти младшим братом Смердисом, и потому он приказал убить брата. Он сказал, что власть захватил маг Смердис, которого царь оставил одним из регентов на время египетского похода. Царь призвал своих сподвижников не подчиняться узурпатору, направиться в Мидию, и если они не смогут свергнуть мага при помощи армии, то пусть добиваются этого посредством хитрости, обмана и любых других средств, ведущих к успеху. Камбиз говорил с ненавистью и жаждой мщения, горевшей в его запавших глазах; хотя болезнь, боль и приближение смерти совершенно изменили внешний облик больного, внутри него никаких перемен не произошло.

Вскоре после встречи со своими придворными Камбиз испустил дух.

Чтобы проиллюстрировать, как относились к бывшему властителю те, кто знал его лучше других, достаточно сказать, что придворные, слушавшие признания царя, не поверили ни одному его слову. Они решили, что история, рассказанная им умирающим тираном, была вымыслом, продиктованным его ненавистью и завистью к брату. Придворные считали, что царем себя провоз-

гласил подлинный Смердис и что Камбиз выдумал, будто велел убить брата, чтобы удержать персов от безропотного подчинения власти нового правителя.

Глава 3

Маг Смердис

Камбиз и его приближенные были правы в своих предположениях, что трон Персидской империи узурпировал маг Смердис. Как утверждали, этот Смердис внешне был очень похож на младшего сына Кира, равно как и был его тезкой. Другой маг, оставленный Камбизом на регентство, был братом первого. Его звали Патицит. Когда Камбиз отбыл в поход, эти маги, получая, вероятно, сведения о дурном поведении царя и зная, что его деспотизм оттолкнул от него подданных, задумали взять власть в империи в свои руки. Длительное отсутствие Камбиза с армией способствовало успеху их заговора. Им на руку был также контроль над столицей и крепостями страны, а то, что маг Смердис был тезкой брата Камбиза, увеличивало шансы на захват власти. Ко всем этим благоприятным обстоятельствам добавлялось недовольство персов жестокостью Камбиза.

О возвращении Смердиса, брата царя, широко оповестили население, меж тем как факт его убийства хранился в глубокой тайне. Даже придворные Камбиза в Египте ничего не знали об этом преступлении, пока царь на смертном одре не сказал об этом, но и тогда не поверили ему. Вряд ли об убийстве знали в Мидии и Персии. Скорее всего, в империи полагали, что младший сын Кира жив и уединился в каком-либо из царских дворцов.

Члены царской семьи довольно часто уединялись подобным образом, предаваясь утонченным удовольствиям за стенами дворцов, в парках и садах. Поэтому, когда царевич Смердис внезапно исчез при загадочных обстоятельствах, магу Смердису не составило труда занять его место при содействии некоторых придворных и помощников. Своими преступлениями, продиктованными страхом перед возможным переворотом, Камбиз подтолкнул мятежников к захвату трона и гарантировал успех их дела. Одним словом, он был саморазрушителем. Подобно многим порочным людям, царь обнаружил в конце жизненного пути, что злодеяния, совершенные им против других, постепенно и неуклонно разрушали его самого.

Камбиз, следовательно, сам внушил своими действиями народу Персии веру в то, что узурпатор Смердис – подлинный сын Кира и очередной наследник престола. Армия Камбиза в Египте тоже в это верила. Кроме того, Прексасп после смерти Камбиза считал более безопасным отрицать, нежели подтверждать убийство

им царевича. Он утверждал, что признания Камбиза лживы и он не сомневается, что новый царь, от имени которого управляют империей власти Сузы, действительно сын Кира, подлинный и законный наследник трона. Таким образом, все политические силы в империи приняли без возражений то, что, как они полагали, было законным наследованием власти.

Между тем узурпатор оказался в весьма рискованной ситуации. Она требовала от него большой изобретательности и ловкости, чтобы удержаться у власти. Он договорился с братом разделить выгоды, полученные от захвата трона обманным путем. Смердис должен был пользоваться благами и удовольствиями, которые дает власть, а Патицит собирался править. Это был самый надежный план. Смердис, живя в уединении и предаваясь удовольствиям, не показывался бы на публике, в то время как Патицит, действуя в качестве первого министра, присутствовал бы на заседаниях сановников, издавал указы, производил смотры войскам, направлял посольства, выполнял бы функции верховного военного руководителя и делал бы это тоже не без удовольствия. Видимо, Патицит был душой плана. Он был амбициозен, одержим и поскольку один мог пользоваться реальной властью, то хотел, чтобы брату достались почет и слава от нее. Патицит, следовательно, правил империей именем Смердиса.

Со своей стороны Смердис довольствовался дворцами, парками и садами Мидии и Персии, жил там уединенно в роскоши и великолепии. Он редко появлялся на людях, но, когда это случалось, старался не дать рассмотреть себя зрителям на близком расстоянии. Фигурой, внешним видом, манерой поведения, выражением лица он очень походил на убитого царевича. Но было одно обстоятельство, сильно беспокоившее самозванца: он боялся, как бы кто-нибудь не выдал, что ему отрезали уши. Это было сделано много лет назад по приказу Кира за одно преступление, совершенное Смердисом. Следы увечья можно было скрыть на людях тюрбаном, шлемом или другим головным убором, но сохранялась опасность, что кто-нибудь заметит в приватной обстановке отсутствие ушей или постоянное стремление лжецаря скрыть это. Поэтому Смердис был крайне осторожен, старался избегать соглядатаев. Он заперся в апартаментах дворца в Сузах, располагавшегося внутри крепости, и воздерживался от приглашений к себе знатных персов.

Среди удовольствий и роскоши, которые Смердис обнаружил в царских дворцах и воспользовался ими в полной мере, были также жены Камбиза. В те времена восточные цари и царевичи – как это принято во многих восточных странах и сегодня – имели много жен, которые выполняли более или менее часто разного

рода супружеские обязанности, более или менее часто вступали в интимные отношения со своими мужьями и суверенами. Во многих отношениях эти жены занимали положение рабынь, что особенно отчетливо проявлялось после смерти суверена, когда они, подобно другому имуществу, переходили в собственность наследника, который по своему усмотрению отбирал часть из них для собственного употребления. Пока это не произошло, несчастные женщины сидели после смерти своего господина взаперти, подобно скорбящим людям, удаляющимся от мирской жизни в связи с тяжелыми переживаниями об утрате.

После того как Смердис заступил на трон и узнал о смерти Камбиза, он обратил жен бывшего царя в свою собственность. Среди жен была Атосса, уже упоминавшаяся дочь Кира, сестра Камбиза и его жена. Чтобы эти придворные дамы не разоблачили его самозванство, маг продолжал содержать их в отведенных им апартаментах в заточении. Нескольким из наиболее понравившихся ему жен он позволял посещать себя поочередно, в то же время препятствуя их общению друг с другом.

Одну из жен звали Фатима. Она была дочерью знатного и влиятельного перса по имени Отан. Подобно другим представителям знати, Отан наблюдал и размышлял над поразительными обстоятельствами, сопровождавшими восшествие Смердиса на престол; перса удивлял его уединенный образ жизни, нежелание вопреки общепринятому для монарха поведению общаться со знатью и народом. Отана и его сподвижников мучили сомнения, но ни один из них не осмелился поделиться ими с другим. Наконец Отан, будучи человеком энергичным, умным и осторожным, решил выяснить правду.

Сначала он послал к своей дочери Фатиме гонца, чтобы узнать, действительно ли она общается теперь со Смердисом, сыном Кира.

Фатима ответила отцу, что не знает, поскольку до смерти Камбиза никогда не видела Смердиса, сына Кира. Отан связался с Фатимой еще раз, попросив ее поговорить об этом с царицей Атоссой. Она ведь была сестрой Смердиса и знала его с детства. В ответ Фатима сообщила, что не может связаться с Атоссой, поскольку та содержится в отдельных апартаментах дворца и доступ к ней невозможен. Отан связался с дочерью в третий раз. Он передал через гонца, что у нее остался один способ выяснить правду. Когда в следующий раз Фатима придет к царю на свидание, пусть она ощупает уши господина, когда тот заснет. Если ушей у него не окажется, значит, это маг Смердис. Отан настаивал, что дочь должна выполнить его поручение, доказывая, что если царь обманщик, то обман должен быть разоблачен, и она,

будучи благородного происхождения, должна проявить смелость и раскрыть обман. На это Фатима ответила, что выполнит волю отца, хотя и понимает, что это связано с риском для жизни. «Если у него нет ушей, – сказала она, – и если я разбужу его, убеждаясь в этом, то он убьет меня. Уверена, что он убьет меня на месте».

Когда пришла очередь Фатимы навещать царя, она сделала все так, как просил отец.

Осторожно засунув руку под тюрбан царя, она обнаружила, что его уши обрезаны. Рано утром дочь сообщила об этом отцу.

Отан немедленно рассказал об этом двум своим друзьям, знатым персам, которые тоже подозревали обман. Теперь вопрос заключался в том, что делать дальше. Они решили, что каждый из них должен сообщить о раскрытии обмана одному своему другу, на чьи решимость, благоразумие и верность можно было положиться. Так все и поступили, и число посвященных в тайну увеличилось до шести человек. Как раз в это время Дарий, сын Гистаспа, молодой человек, который упоминался уже как персонаж сна царя Кира, прибыл в Сузы. Дарий был достаточно знатен и известен. Его отец занимал пост губернатора одной из провинций Персии, и Дарий находился при нем. Как только шестеро заговорщиков узнали о прибытии сына губернатора, они ввели его в свой круг, и число участников заговора увеличилось таким образом до семи.

Они немедленно начали тайные совещания с целью определить, как действовать дальше, предварительно связав себя торжественной клятвой не предавать друг друга, какой бы исход ни сулило их предприятие. Дарий сообщил друзьям, что он сам раскрыл обман, повлекший узурпацию власти Смердисом, и приехал из Персии, чтобы убить самозванца, но теперь, когда круг посвященных расширился, он считает, что нужно немедленно действовать, что промедление чревато большой бедой.

Отан считал, что они еще не готовы, нужно увеличить число сообщников, семерых недостаточно, чтобы преобразовать империю. Отан ценит мужество и решимость Дария, однако считает, что благоприятный результат обеспечат осторожные и продуманные действия.

Дарий ответил, что способ действий, предложенный Отаном, неприемлем.

– Если о наших планах узнает много людей, – сказал он, – то, несмотря на все меры предосторожности, всегда найдется несколько человек, которые выдадут нас ради награды царя. Нет, – добавил сын Гистаспа, – мы должны действовать самостоятельно. Возбуждать подозрений не следует, нужно немедленно идти во дворец, смело войти в апартаменты Смердиса и убить его раньше,

чем он заподозрит подлинную цель нашего визита.

– Но мы не сможем к нему попасть, – возразил Отан. – У всех ворот и дверей во дворце расставлена стража. Она не позволит нам этого сделать. Если мы попытаемся убить стражников, поднимется переполох, по тревоге прибегут еще охранники, и у нас ничего не получится.

– Стража не вызовет больших затруднений, – откликнулся Дарий. – Охранники нас знают, наша знатность позволит нам пройти мимо них, не вызывая подозрений. Особенно если мы будем действовать быстро, не давая времени на размышления. Кроме того, я могу сказать, что прибыл из Персии с важным сообщением для царя и должен быть немедленно представлен ему. Если нужно лгать, то пусть так оно и будет.

Читателю, знакомому с образом мышления и привычками того времени, может показаться странным, что Дарий считает необходимым извиняться за использование нечестных приемов в реализации заговора. Скорее всего, эти извинения Дарий не произносил, их придумал историк.

Во время спора между Дарием и Отаном другие заговорщики хранили молчание. Лишь один сообщник по имени Гобрий поддержал Дария. Он сказал, что понимает рискованность попытки быстро пройти в апартаменты царя и убить его, но лучше погибнуть, пытаясь вернуть имперскую власть в руки персов, которая им и принадлежала, чем терпеть обман подлых мидийских магов.

Наконец все с этим согласились и стали готовиться к осуществлению своего плана.

Между тем весьма драматические события происходили в другой части города. Оба мага, царь Смердис и его брат Патицит, имели основания опасаться, что придворная знать и персидские военачальники все более и более сомневаются в подлинности родства между правившим царем и его предшественником Ки-ром. Ходили слухи об убийстве настоящего Смердиса Прекаспом по приказу Камбиза. Правда, слухи опровергались Прекаспом, когда он был вынужден говорить на эту тему, но в то же время мрачные воспоминания о прошлом, память о погибшем сыне, угрызения совести из-за убийства подлинного Смердиса и озабоченность опасным положением, в которое он себя поставил, угнетали Прекаспа, превращали его жизнь в тяжелое бремя.

Чтобы рассеять атмосферу подозрений, маги придумали способ побудить Прекаспа заявить в открытую, что Смердис жив. Для этого маги собрали на площади близ дворца толпу людей, возможно, просто воспользовались случайным стечением людей в этом месте и предложили, чтобы Прекасп обратился к ним с

одной из башен. Прексасп занимал высокое социальное положение и пользовался большим влиянием. Маги надеялись, что публичное изложение им нужной версии, противоречащей слухам об убийстве брата Камбиза, убедит персов, что тронем владеет законный монарх.

Однако воля даже сильного человека, когда ему приходится лгать, вскоре ослабевает. Прексасп уже давно сомневался и колебался, а предложение выступить публично с лживым заявлением попросту парализовало его. В отчаянии он решил, что пора с этим покончить, однако сделал вид, что принимает предложение магов. Воин поднялся на башню и начал говорить. Он признался перед всеми, что действительно совершил преступление, осудил правление мага Смердиса как результат обмана и призвал всех своих слушателей к немедленному свержению узурпатора и восстановлению правления законной персидской династии. Его речь, подкреплявшаяся эмоциональными возвышениями голоса и жестами, драматизированная сознанием неизбежной гибели во имя правды, становилась все более горячей и непримиримой. В крепких выражениях он пригрозил слушателям всеми карами Неба, если они не внемлют его призывам. Люди внимали ему в состоянии полнейшего изумления, не произнося ни звука и не шелохнувшись. Прежде чем слушатели и охранники дворца смогли сообразить, что делать, Прексасп внезапно прервал свою речь и бросился вниз головой с парапета башни, упав среди толпы на мостовую искалеченным и бездыханным. Началась суматоха.

Это произошло в тот самый момент, когда семь заговорщиков направились во дворец. Вскоре им сообщили о происшедшем. Отан теперь снова предложил отсрочить покушение на жизнь царя. Он считал, что сообщники должны выждать, пока спадет ажиотаж вокруг разоблачений Прексаспа. Однако Дарий стоял на своем, говорил, что, как только маги узнают о разоблачениях и гибели Прексаспа, они будут настороже и сразу же усилят меры безопасности.

Пока заговорщики стояли в нерешительности, они увидели, как в небе летит стая птиц, которые при внимательном рассмотрении оказались семью ястребами, преследующими двух грифов. Сообщники расценили это как знамение свыше, зовущее их к действию. Больше они не колебались.

Они подошли к воротам дворца. Стража реагировала на их появление так, как и предсказывал Дарий. Напуганные приближением семи сановников высокого ранга, державшихся решительно и уверенно, стражники расступились и дали группе пройти. Заговорщики вошли во внутренние апартаменты дворца и встретили евнухов, охранявших двери одного из помещений. Ев-

нухи отнеслись к появлению группы настороженно и спросили сердито, почему стража пропустила посторонних людей. Убьем их, решили заговорщики и немедленно осуществили свое намерение. Когда магам сообщили о разоблачениях Прексаспа, они очень испугались. Они услышали крики евнухов у дверей и схватились за оружие. Один взял в руки лук, другой – копье. Заговорщики ворвались в комнату. Лук оказался бесполезным в ближнем бою, и маг, бросив его, обратился в бегство. Другой маг некоторое время защищался при помощи копья и ранил двух нападавших. Двое раненых рухнули на пол. Три других продолжали сражаться с вооруженным магом, а Дарий и Гобрий бросились преследовать бежавшего мага.

Тот бегал из одной комнаты в другую, пока не оказался в темном помещении, куда его завлек слепой инстинкт страха в тщетной надежде укрыться. Гобрий оказался более проворным, он схватил беглеца за пояс, пытаясь удержать его. Гобрий позвал на помощь Дария. Дарий, размахивающий мечом, выбирал момент, удобный для удара.

– Пронзи его! – кричал Гобрий. – Почему ты медлишь?

– Я не могу, – отвечал Дарий, – боюсь тебя поранить.

– Не важно, – настаивал Гобрий, продолжая бороться со своей рассвирепевшей жертвой. – Бей, даже если мы оба погибнем.

Дарий пустил в ход меч. Гобрий ослабил хватку, маг упал на пол и, пронзенный в самое сердце мечом Дария, почти сразу испустил дух.

Вдвоем они вытащили тело на свет и отрезали голову мертвого мага. Так же они поступили с трупом другого мага, которого обнаружили убитым своими товарищами. Затем заговорщики, за исключением двух раненых, ликуя, вышли на улицы города, неся на остриях пик головы магов в качестве трофеев. Они призвали персидских воинов вооружиться, объясняя им, что царь был магом и обманщиком, а не законным государем и что они убили его за это. Они призывали людей убивать магов, где бы те ни прятались, как будто все сословие было виновно в узурпации трона двумя братьями. Персы вооружились и стали повсюду преследовать несчастных магов. До ночи многие из них были убиты.

Глава 4

Восшествие на престол Дария

Несколько дней после убийства магов в городе царили возбуждение, суматоха и смятение. Не было наследника династии Кира, которому следовало занять пустующий трон. Ведь ни Камбиз, ни Смердис сыновей не оставили. Правда, были дочь Смердиса по имени Пармис и две дочери Кира. Одну из них, Атоссу, мы уже упоминали как сестру Камбиза, ставшую его женой и затем взятую в жены магом Смердисом. Хотя эти царевны и принадлежали к монаршей династии, однако в период кризиса ни одна из них не заявила претензии на власть. Общество было ошеломлено происшедшим переворотом. Прошло уже пять дней, но все пребывало в растерянности.

Конечно, в это время продолжали функционировать подчиненные правительству учреждения в провинциях, городах и округах, в военных гарнизонах, но отсутствовало общее руководство страной. Семерка сановников, совершивших переворот, рассматривалась пока как своеобразное временное правительство, армия и все другие учреждения страны обращались к ним за содействием в решении политических проблем, возникших в связи с переворотом, а также за руководством и контролем. Но такое положение не могло долго сохраняться. После того как возбуждение улеглось, сановники решили принять меры по стабилизации обстановки, полагая, что верховенство в принятии таких мер должно оставаться за ними.

Историк Геродот, из трудов которого мы главным образом и черпаем информацию относительно данного периода времени, дает подробный и драматичный отчет о соображениях сановников. Пожалуй, он слишком драматичен, чтобы в него поверить.

В ходе обсуждения проблемы Отан выступил за установление республики, считая, что неразумно снова доверить верховную власть одному человеку. Опыт показал, убеждал он товарищей, что, когда один человек возносится так высоко над своими соплеменниками, он становится подозрительным, завистливым, нахальным и грубым. Он перестает думать о благополучии и счастье других и заботится только о своей власти и о достижении целей, продиктованных деспотической волей, любыми средствами. При таком правлении самые лучшие и полезные для общества граждане неизбежно становятся жертвами. Как правило, тираны выбирают себе фаворитов, говорил Отан, из числа самых

недостойных мужчин и женщин своего царства, потому что они легче всего поддаются на уговоры удовлетворить порочные увлечения и преступные намерения. Отан в первую очередь ссылался на Камбиза как пример того, насколько далеко может зайти деспотическая жестокость и наглость. Он напомнил соратникам о страданиях и страхе, которые они испытали во время правления этого царя, и призвал их больше не подвергать себя таким испытаниям. В итоге Отан высказался за учреждение республики, в условиях которой руководители правительственных учреждений избираются, а решения важных политических вопросов принимаются на заседаниях ассамблеи.

Читателю следует понимать, что республика в представлении Отана была в корне отличной от того способа правления, с которым она связывается ныне. В те времена люди имели смутное представление о принципе представительства, исходя из которого тысячи обособленных общин великой империи могли бы выбирать делегатов, способных обсуждать планы, говорить и действовать от их имени в ассамблеях, где бы окончательно оформлялись главные правительственные решения. Исходя из этого принципа представительства люди действительно могут участвовать в управлении. Без этого не обойтись, поскольку нельзя собрать всех людей большого государства в одном месте, но, даже если бы это было осуществимо, на таком форуме нельзя было бы проводить плодотворные обсуждения и принимать полезные решения. Решения любого собрания, насчитывающего несколько сот человек, являются фактически плодом усилий небольшого круга лидеров, сумевших созвать его и руководить им. Следовательно, Отан и все другие сторонники республиканского правления в древние времена имели в виду верховную власть, осуществляемую не множеством людей в правовой форме, а представителями привилегированных классов, составлявших небольшую фракцию общества, которые собираются в столице. Это был тип республики, который возник бы в Америке, если бы все ее дела, а также дела муниципальных и других учреждений регулировались бы и контролировались законами и губернаторами, принятыми или избранными на одном большом собрании в Нью-Йорке.

В этом состояла суть всех древних республик. В целом их было немного, и верховную власть города свободных граждан представляла группа наиболее известных политиков. Между тем Римская республика в определенное время весьма выросла в размерах. Она простиралась на всю Европу, но при всей обширности территории республики, куда входило бесчисленное множество государств и королевств, на которые распространялась юрисдик-

ция Рима, колоссальная верховная власть концентрировалась почти полностью и исключительно в рамках шумных и бурных собраний, проходивших на римском Форуме.

Во всех древних республиках полнотой суверенной власти пользовались в основном представители привилегированного класса столицы. Объектами управления были провинции, зависимые от столицы и выплачивающие дань. Такой план лежал в основе предложения Отана об учреждении республики.

Вторым выступил на совете Мегабиз. Он возражал против плана Отана. Мегабиз сказал, что полностью согласен со всеми обвинениями Отаном зол монархии, а также системы угнетения и тирании, в которой живут люди, когда их свободы и жизни находятся под деспотическим контролем индивидуальной человеческой воли. Но не надо бросаться из одной крайности в другую. Недостатков и опасностей в общественном контроле над государственными делами едва ли меньше, чем в условиях деспотизма. Общественные собрания, отмечал он, всегда отличались беспорядком, пристрастием и капризами. Их решения принимаются под контролем искусных и изобретательных демагогов. Вряд ли простые люди обладают достаточным благоразумием, чтобы следовать мудрым советам, или энергией и волей, чтобы претворять их в жизнь. Ими всегда управляют страсти, такие, как страх, мщение, экзальтация, ненависть или другие преходящие чувства.

Итак, Мегабиз порицал как монархию, так и республику. Он выступал за олигархию.

– Сейчас нас уже семеро, – говорил он. – Давайте выберем из ведущих придворных сановников и военачальников небольшую группу деятелей, отличающихся талантами и добродетелями, сформируем компетентный орган, наделенный верховной властью. Такой план избежал бы недостатков обеих систем, поскольку, если кто-либо из представителей властного органа склонялся бы к злоупотреблению властью, другие представители, число которых было бы достаточно велико, поправили бы его. С другой стороны, этих представителей было бы не так уж много, чтобы лишиться совет благоразумия и осмотрительности, а также способности осуществлять свои решения энергично и эффективно.

Когда Мегабиз закончил речь, свое мнение выразил Дарий. Он сказал, что доводы тех, кто только что высказался, вполне убедительны, но ораторы оценили не совсем объективно обсуждавшиеся системы, поскольку сравнивали хорошую администрацию одной системы управления с плохой администрацией другой системы. Он допускал, что каждый человек уязвим для злоупотреблений, но, сравнивая деятельность хороших администраций всех форм правления, преимущество, по его мнению, должно быть

отдано монархии. Контроль, осуществляемый единым разумом и волей, отличается большей концентрацией и эффективностью, чем все возможные комбинации в других системах управления. В этом случае выработка планов останется более скрытной и продуманной, а их выполнение более быстрым и творческим. Там, где власть рассредоточена по многим рукам, всякое энергичное осуществление планов парализуется разладом, враждой и распрями жадных и завистливых соперников. Это соперничество, как правило, ведет к преобладанию кого-то более энергичного и удачливого, чем остальные. Таким образом, аристократия и демократия ведут в конечном счете по-своему к деспотизму, демонстрируя то обстоятельство, что существуют естественные причины, требующие подчинения народа воле одного человека.

Помимо этого, сказал Дарий в заключение, персы привыкли к монархии, и попытка внедрения новой системы правления может обернуться весьма опасным экспериментом, чреватым ломкой устоявшихся привычек и обычаев людей.

Дискуссия продолжалась. В итоге оказалось, что четверо участников совета из семерых согласились с доводами Дария в поддержку монархии. Таким образом, в решении вопроса возоблало мнение большинства. Отан заявил, что не будет чинить никаких препятствий любым мерам по реализации принятого решения, но себя он не станет считать подданным монархии, которую установят. «Я не желаю, – прибавил он, – ни управлять другими, ни подчиняться управлению кого-либо. Если хотите, создавайте империю, назначайте ее правителя любым способом, который сочтете нужным, но он не должен считать меня своим подданным. Лично я, моя семья и вассалы должны быть абсолютно свободными от его контроля».

Эта инициатива была весьма неразумной, если Отан действительно желал расстаться с обществом, подданным которого отказался стать, поскольку, оставаясь в нем, он, естественно, пользовался его защитой и должен был, следовательно, нести часть общего бремени и соблюдать его законы. Несмотря на это, заговорщики приняли предложение Отана, и он удалился.

Оставшиеся шесть участников совещания продолжили обсуждать меры по восстановлению монархии. Сначала они договорились, что следующим царем будет один из них и что, на кого бы ни пал выбор, остальные пятеро, признав его власть, должны пользоваться особыми привилегиями и почетом при дворе. Они должны во все времена иметь свободный доступ во дворцы и к царю, среди их дочерей царь должен был выбирать себе жен. После того как были оговорены эти и некоторые другие вопросы, решение о том, кто из шестерых станет царем, было отложено на

ближайшее будущее. План, который они приняли вместе с сопровождающими его выполнению обстоятельствами, представляет собой самое необычное из всех странных соглашений древности. Геродот мрачно повествует о нем как о горькой правде. Насколько можно доверять этому повествованию, читатель должен судить после знакомства с сутью дела.

Участники совещания договорились, что следующим утром они встретятся верхом на конях в определенном месте за стенами города и что царем станет тот, чей конь заржет первым. Этот смехотворный ритуал должен был состояться во время восхода солнца.

Договорившись, все разъехались по домам. Дарий приказал своему конюху по имени Обас приготовить ему коня до восхода солнца, рассказав ему попутно об условии избрания нового царя. «Если принято такое условие, – сказал Обас, – то вам, господин, не следует беспокоиться, я без труда устрою так, что выбор падет на вас». Дарий выразил большое желание, чтобы все случилось так, как говорит конюх, если это возможно. Затем они расстались.

Способ, придуманный Обасом, заключался в том, что накануне вечером он привел коня Дария на место предстоящей встречи в компании с кобылицей, приглянувшейся коню. В этот вечер между животными возникла сильная привязанность друг к другу, а место выгула запечатлелось в их памяти. Обас рассчитывал, что когда конь придет утром на это место, то вспомнит о недавнем свидании с подругой и заржет. Так и случилось. Как только всадники прискакали в назначенное место встречи, конь Дария заржал первым, и его хозяин был единодушно признан царем.

Что касается достоверности этой знаменитой истории, то первое, что приходит на ум, – это абсолютная невероятность ситуации, когда здравомыслящие люди в момент кризиса и решения своей судьбы прибегли бы к столь наивной и смехотворной договоренности. Подобный способ выбора лидера, принятый всерьез, скомпрометировал бы даже ватагу мальчишек, планирующих свой воскресный отдых. В данном же случае ставкой была империя, простиравшаяся на тысячи миль в центре обширного континента, на котором размещались, вероятно, пятьдесят государств с многомиллионным населением, столичными городами, дворцами, армиями, флотами. Невероятно, чтобы люди, обладающие большим умом, информацией и широтой взглядов, которые, как мы полагаем, они неизбежно приобретают, занимая столь высокое социальное положение, стали бы решать столь важный вопрос таким смехотворным способом. Тем не менее, Геродот считает это предание подлинной историей. Оно передавалось много раз с того времени до нынешнего несколькими поколениями

историков без малейшего сомнения в его достоверности.

Возможно, эта история правдива. Здесь как раз тот случай, когда невероятность слишком велика, чтобы в нее не поверить. Во все века решения и действия людей, обладавших большой властью, мотивировались капризами и мимолетными импульсами в гораздо большей степени, чем это можно себе представить. Самодержавные правители Древнего мира, приобретшие власть по наследству или путем завоеваний, хотя и достигали иногда безграничной власти, кажется, во многих случаях не осознавали ответственности своего положения, требующего достоинства и благородства, и действовали исходя из своих сугубо личных преходящих интересов. Таким образом, они хотя и возносились высоко, но отличались узостью и ограниченностью взглядов.

Этим, несомненно, отличались шестеро упомянутых сообщников. Решая, кто из них станет царем, они не задумывались об интересах огромной империи и многих миллионах людей, которыми нужно было управлять. Вопрос в том виде, в каком они его себе представляли, состоял лишь в определении хозяина царских дворцов, главной фигуры на всех пышных торжествах и парадах в столице.

Возможно, на них влияли в определенной степени и суеверия. Поведение и голоса животных в то время считались знамениями, выражающими волю небес. Видимо, заговорщики усматривали в лошадином ржании божественное благоволение в вопросе коронации. Эта версия подтверждается преданием, в котором отмечается, что вслед за ржанием коня Дария сразу же прогремел гром, хотя на небе не было ни облачка. Во всех этих явлениях заговорщики увидели знаки того, что Дарий должен стать царем. Они спешили и пали ниц перед Дарием в знак своей преданности и покорности.

Дарий, после того как утвердился на троне, кажется, рассматривал хитрость конюха, при помощи которой он взшел на престол, не как обман, подлежащий сокрытию, а как весьма умный ход, достойный признания и прославления. Он заказал себе конную скульптуру, изображающую его верхом на ржущем коне. Статуя была помещена в людном месте и имела надпись: «Дарий, сын Гистаспа, добыл власть над Персией с помощью сообразительности своего коня и изобретательности Обаса, своего конюха».

Глава 5

Сатрапии

Несколько инцидентов и событий, происшедших сразу же после восшествия Дария на престол, красноречиво демонстрируют степень влияния капризов и импульсивности на действия монархов и их наследников в древние времена. Самый примечательный из них – случай с Интаферном.

Интаферн был одним из семерых заговорщиков, который способствовал убийству магов и воцарению Дария. По соглашению, достигнутому сообщниками перед избранием царя, каждый из них имел свободный доступ к царю в любое время. Однажды вечером вскоре после восшествия Дария на престол Интаферн пришел во дворец и проследовал без церемоний в апартаменты царя. Его остановили два охранника и сообщили, что царь никого не принимает. Интаферна возмутила, как он выразился, наглость воинов. Он вынул из ножен меч и обрезал им носы и уши, затем снял уздечку со своего коня, стоявшего у ворот дворца, связал ею охранников и, оставив их в таком плачевном состоянии, удалился.

Охранники немедленно пошли царю, представ перед ним в ужасном виде, изувеченными и кровоточащими, жалуюсь на Интаферна, причинившего им страшные увечья. Сначала у царя возникли опасения за собственную безопасность. Он решил, что заговорщики объединились против него и что это издевательство над его охранниками в его дворце было началом мятежа. Поэтому он пригласил своих бывших сообщников по заговору одного за другим, чтобы выяснить, как они относятся к поступку Интаферна. Те решительно отмежевались от действий Интаферна и подтвердили свою приверженность договоренности, которая возвела Дария на трон.

После этого Дарий, приняв соответствующие меры предосторожности для исключения попыток сопротивления, послал отряд воинов схватить Интаферна, его сына и других членов семьи, а также родственников и друзей, которые были способны носить оружие. Царь подозревал, что Интаферн готовит мятеж, а если это так, то эти люди могли стать сообщниками мятежного сановника. Схваченных привели к Дарию. Доказательств их участия в заговоре в какой-либо форме и в наличии самого заговора обнаружено не было. Но это не сулило им спасения. Свобода и жизнь всех подданных империи находились в полном распоряжении

древних властителей. Дарий не исключал, что пленники могли вынашивать изменнические планы, и считал, что будет чувствовать себя безопаснее, если они будут устранены с его пути. Он приказал умертвить пленников.

Пока шла подготовка к казни, жена Интаферна постоянно навещала дворец Дария с просьбой об аудиенции, на которой она могла бы заступиться за своих родственников. Об этом сообщили Дарию. Царь сделал вид, что тронут ее скорбью. Он сказал, что простит ради нее одного из преступников, но пусть она сама решит, которому из них суждено избежать смерти. На самом деле Дарию хотелось потешиться над муками женщины, поставленной перед необходимостью выбрать для спасения мужа или сына.

Жена Интаферна так и не сделала выбора. Однако она предпочла брата. Дария весьма удивил ее выбор. Он послал к женщине гонца выяснить, почему она пренебрегла спасением мужа и сына ради брата, который, вероятно, был менее близок и дорог ей. На это супруга сановника дала необычный ответ: потерю мужа и сына можно возместить, новый брак не является для нее невозможным, и у нее может родиться другой сын, но, поскольку ее отец и мать уже в могиле, другого брата у нее не будет. Следовательно, гибель брата стала бы непоправимой потерей.

Царю настолько понравились новизна и неожиданность ответа женщины, что он подарил жизнь ее сыну в добавление к брату. Остальных членов семьи, родственников и друзей вместе с самим Интаферном он велел казнить.

Случилось, что Дария вскоре после восшествия на престол так разгневал губернатор одной из провинций, что он велел предать его смерти. Обстоятельства совершения губернатором преступления и его казнь ярко демонстрируют способ правления, практиковавшийся военными деспотами древнего времени. Следует пояснить, что великие империи древности, одной из которых правил Дарий, делились, как правило, на провинции. Население, проживавшее в пределах этих провинций и занимавшееся из года в год разными видами мирного труда, придерживалось в основном норм, выработанных естественным для человека чувством справедливости, и тысячи местных учреждений, всегда возникающих в общине, следовали этому принципу. Верховную власть в провинциях осуществляли губернаторы, главной обязанностью которых был сбор податей и пересылка царю дани в объеме, установленном для провинций. Разумеется, губернаторам вменялось в обязанность подавлять внутренние бунты и отражать в случае необходимости внешние нападения. Для выполнения этих обязанностей в распоряжении губернаторов находились достаточные военные силы. Жалованье воинам выплачивалось

из средств, собранных в провинциях тем же способом, что и дань для царя. Это ставило губернаторов в вопросах комплектования вооруженных отрядов провинций в довольно независимое положение от царя. Во главе своих боевых дружин они правили в административных центрах своих владений подобно самим царям. Фактически они мало зависели от монарха во всем, кроме пересылки дани и выделения войск в случае войны по определенной квоте. В годы жизни нашего Спасителя таким губернатором был Пилат, поставленный римлянами во главе провинции Иудея, а Матфей был сборщиком налогов в его казну.

Как мы уже упоминали, такие губернаторы провинций мало зависели от царя. У последнего, как правило, не было чиновников, наделенных правом контролировать столь могущественных вассалов. Во многих случаях единственным средством подчинения царской воле строптивого и мятежного губернатора было совершить военный поход против него, как если бы возникала необходимость войны против иностранного государства. Это требовало значительных расходов и было чревато большими хлопотами и опасностями. Иногда амбициозным и волевым губернаторам удавалось распорядиться своими ресурсами с такой энергией и военным талантом, что им удавалось нанести поражение царю. Тогда они получали в рамках всей империи такие же привилегии и власть, какими располагали в своих провинциях. Иногда же такие губернаторы вообще свергали царя и садились вместо него на трон.

Во время правления Дария одним из таких губернаторов был человек по имени Орет. Несколько лет назад Кир поставил его управлять одной из провинций, на которые было поделено Лидийское царство. Административным центром провинции были Сарды. Орет проявил себя жестоким и капризным тираном, какими были практически все такие губернаторы. Мы проиллюстрируем это на одном из поступков губернатора, совершенном незадолго до восшествия Дария на престол, который характеризует этого губернатора в достаточной степени.

Однажды Орет сидел у ворот своего дворца, разговаривая с навестившим его губернатором соседней провинции. Гостя звали Митробат. По привычке, свойственной таким военным предводителям, они хвастались друг перед другом своей удалью и отвагой. Митробат сказал, что Орет не может претендовать на доблесть, пока позволяет греческому острову Самос, расположенному вблизи побережья Лидии, оставаться независимым, а ведь его легко присоединить к Персидской империи. «Полагаю, ты боишься Поликрата», – дразнил Митробат собеседника. Поликрат царствовал на Самосе.

Замечание гостя уязвило Орета, но, вместо того чтобы ответить колкостью на колкость, он решил покончить с Поликратом, хотя оснований для вражды с греком у него не было.

Поликрат владел небольшим островом в Эгейском море, но считался весьма богатым, могущественным и процветающим царем. Он построил и оснастил сильный флот, завоевал много островов по соседству, вынашивал планы дальнейших завоеваний и претендовал на роль господина морей.

Любопытный инцидент, касающийся Поликрата, красноречиво характеризует, какие наивные суеверия господствовали в умах людей в древности. В расцвет успешного правления Поликрата его друг и союзник, царь Египта, прислал ему письмо. Это случилось до вторжения в Египет Камбиза. В письме говорилось:

«Амасис, царь Египта, Поликрату.

Мне доставляют большое удовлетворение вести о процветании моего друга и союзника лишь до тех пор, пока оно не продолжается непрерывно и бесконечно. Для человека наилучшая ситуация складывается тогда, когда успехи и неудачи чередуются. Мне неизвестны примеры непрерывного успеха, который, в конце концов, не прекращается даже в условиях абсолютного спокойствия. Поэтому я беспокоюсь о вас, и моя тревога возрастет чрезвычайно, если ваше беспримерное и непоколебимое процветание будет продолжаться и дальше. Советую вам прервать нынешнее течение событий самому, если его не прервет удача. Навлеките на себя какое-нибудь бедствие, утрату или страдание как средство избежать более тяжких испытаний, которые в противном случае неизбежно вам выпадут. Всеобщее и существенное благоденствие должно быть постоянным и конечным одновременно».

Поликрат счел, что в этом предложении содержится здравый смысл. Он стал размышлять, каким образом навлечь на себя терпимое бедствие или утрату, и решился, в конце концов, уничтожить весьма дорогой перстень с печаткой, хранившийся в его сокровищах. Перстень украшали драгоценные камни в золотой оправе, он славился искусной отделкой и большой ценностью. Потеря перстня, считал греческий царь, была бы достаточным бедствием, способным снять злые чары с бьющего через край успеха, сопутствовавшего его правлению. Поликрат велел снарядить к выходу в море самую большую 50-весельную галеру своего флота, взяв на нее свою многочисленную свиту. Когда галера отошла от острова на значительное расстояние, царь на виду у всех бросил перстень в море.

Однако, как оказалось, фортуны не так легко было отвадить. Через несколько дней после возвращения Поликрата на остров

какой-то рыбак с побережья поймал в свои сети рыбу необыкновенного размера и красоты. Улов оказался таким удачным, что рыбак решил преподнести рыбу в подарок царю. Слуги Поликрата, разделявая рыбу, обнаружили внутри нее перстень. Радости царя не было предела, когда он увидел возвратившуюся к нему утраченную частицу сокровища. Ведь до этого он сожалел о поспешном решении выбросить перстень. Каково же было его ликование теперь! Греческий царь немедленно послал письмо Амасису с рассказом о счастливом происшествии, надеясь, что египетский друг разделит его радость.

Амасис, однако, написал в ответ греческому царю, что считает возвращение перстня подобным чудодейственным путем крайне неблагоприятным предзнаменованием. «Боюсь, – предостерегал он, – что судьбой вам предопределена ужасная беда и предотвратить ее не смогут никакие принятые вами меры предосторожности. Я полагаю также, – продолжал египетский царь, – что мне следует порвать все соглашения и связи с вами, чтобы самому в конечном счете не разделить предопределенную вам ужасную судьбу».

Сейчас мы не можем утверждать определенно, имели ли место упомянутые события в действительности, или они были придуманы после краха правления Поликрата в целях драматизации его судьбы. Однако в итоге предостережения Амасиса оправдались, если они вообще высказывались. Вскоре после этих событий и состоялась беседа в Сардах между Оретом и Митробатом, которая побудила Орета решиться захватить царство Поликрата.

Замыслив недоброе, Орет прибег к хитрости и обману.

План Орета состоял в следующем. Сначала он направил Поликрату письмо такого содержания:

«Орет, губернатор Сард, Поликрату, правителю Самоса.

Мне известно, господин, что вы давно вынашиваете планы распространить свою власть на острова и акваторию Средиземноморья с целью получить полный контроль над морями. Хотелось бы принять участие в вашем предприятии. У вас корабли и воины, у меня – деньги. Давайте создадим союз. Я накопил в своей казне много золота и серебра и оплачу расходы на наше предприятие. Если вы сомневаетесь в моей искренности и готовности выполнить свои обязательства, пошлите ко мне гонца, которому доверяете. Я представлю ему убедительные доказательства».

Поликрат обрадовался перспективе попользоваться чужими богатствами. Он послал к губернатору своего гонца. Орет приготовился ко встрече с ним, заполнив большое число коробок тяжелыми камнями, покрытыми сверху слоем серебра и золота. Ко-

робки были соответственно упакованы и снабжены замками. Когда гонец прибыл, коробки открыли, и перед его взором представило большое количество золота и серебра. Вернувшись к Поликрату, гонец доложил, что Орет говорил правду. Поликрат решил сам навестить Орета, чтобы обсудить с ним планы предстоящей кампании. Он велел приготовить к поездке 50-весельную галеру.

Дочь Поликрата почувствовала недоброе и уговаривала отца не ехать. Она сказала, что видела отца во сне, который очень напугал ее. Поликрат не придавал значения предостережениям дочери. Она пыталась удержать отца от поездки снова и снова, пока не разгневала его и не была вынуждена уступить. Затем Поликрат взошел на свою великолепную галеру и отбыл в путь. Как только греческий царь вступил на территорию персидской провинции, воины Орета схватили его. Царя убили, а его тело прибили гвоздями к кресту, выставив на всеобщее обозрение. Свиту из помощников и слуг Поликрата превратили в рабов, за исключением нескольких сановников, которых отправили домой в непристойном виде. Среди пленников, оставленных Оретом при себе, находился знаменитый лекарь Демокед, о поразительных романтических приключениях которого будет рассказано в следующей главе.

Орет совершил несколько других предательских убийств, совершенно не имея для этого повода. К насилию и жестокости губернатора влекла бессмысленная и капризная злая воля, которой одержим разум дурных правителей, наделенных абсолютной и бесконтрольной властью. Сомнительно, однако, чтобы эти жестокости и преступления привлекли внимание Дария, который сам был их не чужд. Центральную власть в древних империях мало интересовали ссоры губернаторов провинций – ее интересовала в основном своевременная выплата дани.

Однако в кровавой подлой карьере Орета вскоре произошел случай, который вызвал гнев Дария. Персидский царь направил гонца к Орету с указаниями, которые губернатор не захотел выполнить. Передав письмо, гонец отправился в обратный путь и пропал навсегда. Дарий считал, во всяком случае убедил себя в этом, что Орет завлек гонца в западню и убил, а трупы всадника и лошади зарыл в тайном месте в горах, чтобы скрыть следы преступления.

Дарий решил наказать губернатора за преступление. Однако требовалось продумать, каким образом следовало бы подействовать на него. Провинция Орета находилась на значительном расстоянии от Суз, губернатор занимал там прочные позиции и опирался на внушительную вооруженную силу. Охрана губернатора была обязана выполнить приказ Дария и захватить своего госпо-

дина, но сомнительно, чтобы она осмелилась это сделать. Поход против мятежного губернатора был бы дорогим и опасным предприятием, а возможно, и неоправданным. Взвесив все, Дарий решил лично воздействовать на войска и охрану в административном центре Орета, постепенно привлекая их на свою сторону на случай необходимости, если потребуется предпринять против губернатора прямые действия.

В связи с этим персидский царь собрал своих чиновников и придворных, заслуживавших особого доверия, и обратился к ним с речью:

– У меня есть задумка, которой я хотел бы поделиться с вами, надежными людьми. Мой план не требует использования военной силы или каких-либо насильственных действий, только мудрости, проницательности и мужества. Я хочу, чтобы ко мне доставили Орета, губернатора Сард, живым или мертвым. Он совершил бесчисленные преступления, а сейчас, в дополнение ко всем его предательским поступкам, губернатор прибег к немыслимой дерзости – он убил моих гонцов. Кто из вас добровольно доставит его ко мне живым или мертвым?

Предложение царя было встречено придворными с большим воодушевлением. Около тридцати из них вызвались добровольно выполнить задание царя. Дарий решил сделать выбор при помощи жребия. Жребий выпал некоему Бага, который немедленно занялся подготовкой путешествия в Сарды.

Он приготовил для воинов и охранников Орета несколько различных приказов, начиная от мелких распоряжений и кончая важными повелениями. Все эти приказы были тщательно составлены и снабжены подписями и печатью Дария. Кроме того, в приказах было указано, что Бага поручено царем проследить за их выполнением. Прихватив с собой эти документы, Бага отправился в Сарды и появился при дворе Орета. Он представил свои верительные грамоты, а также некоторые малозначащие приказы.

Ни Орет, ни его стража не почувствовали в его поведении вызова. Бага, признанный посланцем царя, время от времени продолжал оглашать декреты и указы, которые, как он считал, приучат стражников подчиняться им и видеть в нем представителя верховной власти. Посланец царя не просто проверял готовность охраны Орета подчиниться – он укреплял свое влияние с каждым выполнением ею приказа. Когда Бага почувствовал, что его влияние на стражу достаточно сильно, он огласил два последних приказа, один из которых предусматривал отстранить Орета от власти, а другой – обезглавить его. Охранники выполнили оба приказа.

События и инциденты, описанные в этой главе, не представляли большую значимость сами по себе, но они продемонстрировали более убедительно, чем самые подробные разъяснения, природу и характер действий власти Дария, осуществлявшейся в пределах доставшейся ему империи.

Его внимание привлекали не только подобные виды соперничества. Много времени он посвятил реализации идеи раздела своих владений на провинции, определения количества выплачиваемой ими дани и способов ее сбора. Он разделил империю на двадцать больших сатрапий, каждая из которых управлялась сатрапом. Он определил размер дани, выплачиваемой этими сатрапиями в зависимости от наличия в них обрабатываемой земли и ее плодородия. В ряде случаев дань выплачивалась золотом, в других – серебром и, наконец, продукцией, на которой специализировалась данная сатрапия. Например, одну из сатрапий, славившуюся коневодством, обязали вносить дань, предоставляя каждый день в году белую лошадь. Это составило 360 белых лошадей в соответствии с количеством дней года по персидскому календарю. В результате у царя скопилось большое войско, состоявшее из всадников на белых лошадях. Лошадей укрывали роскошными попонами, а всадников прекрасно вооружали. Персидская кавалерия считалась одной из самых мощных в мире.

Сатрапии пронумеровали по порядку с запада на восток. Западная часть Малой Азии составила первую сатрапию, а территория Восточной Индии – двенадцатую и последнюю. Жители Восточной Индии были обязаны платить дань слитками золота, поскольку на их территории добывалось золото.

Поскольку сейчас уже поздно отделять в древней истории факты от вымыслов и определять, что следует воспринимать как правду, а что как ложь, нам остается лишь излагать все целиком, оставляя на суд читателей, чему можно верить. В связи с этим мы закончим эту главу рассказом о способе, которым в древние времена добывалось золото в Восточной Индии.

Богатая золотом территория располагалась в удаленной безводной пустынной местности, кишевшей дикими зверями и хищными насекомыми, причем среди последних были особи муравьев, отличавшихся огромными размерами, необычайной свирепостью, прожорливостью и быстротой, превышающей скорость лошади или верблюда. Эти муравьи, рывшие землю, выносили на поверхность частички золота, оставляя их вокруг своих термитников. Местные жители проникали в эту местность верхом на самых резвых из выращиваемых ими верблюдов, ведя по бокам менее резвых верблюдов. Всадники были снабжены мешками для золотого песка. Когда они приближались к термитникам, то

спешивались и начинали собирать золотой песок, оставленный муравьями, быстро наполнять им мешки, нагружать их на верблюдов. Затем они отправлялись в обратный путь. Между тем среди муравьев поднималась тревога, они собирались в фаланги с целью атаковать золотоискателей. Инстинкт заставлял муравьев выжидать, пока они соберутся перед атакой в большом количестве. У золотоискателей оставалось время, чтобы заполнить мешки и удрать от готовых преследовать муравьев. Затем начиналось преследование. Верблюды бежали на самой большой скорости, за ними следовали массы муравьев, постепенно догоняя беглецов. Наконец, когда муравьи почти настигали беглецов, те бросали менее проворных верблюдов и пересаживались на более быстрых. Пока муравьи набрасывались на своих жертв, всадникам удавалось оторваться от преследования и увезти золото в безопасное место. Эти знаменитые муравьи были крупнее лисиц!

Глава 6

Разведка греческой территории

Главным событием в истории правления Дария, из-за которого в основном его имя и дела получили в мире широкую известность, стала грандиозная попытка завоевать Грецию. Готовясь к вторжению, он послал в эту страну разведывательную группу. В ходе своего путешествия эта группа испытала удивительные приключения, и они составляют содержание этой главы.

Проводником разведывательной группы стал некий греческий лекарь по имени Демокед. Хотя Демокед считался греком, на самом деле он родился в Италии. Происходил из города Кротоне, расположенного на географической карте как раз в подошве «итальянского сапога». Серия приключений привела его из отдаленного населенного пункта на западе, через тысячи миль по морю и суше, в столицу Дария Сузы. Он начал самостоятельный жизненный путь с того, что бежал мальчиком из дома отца. Демокед объяснял своей поступок тем, что не мог выносить жестокости отцовского воспитания. Это, однако, обычное оправдание сумбурных и неуправляемых молодых людей, которые покидают дом родителей после того, как получили от них опеку и защиту в годы беспечного детства и наступило время отблагодарить за заботу.

Демокед отличался хитростью и изобретательностью, был авантюристом по натуре. Сбежав из дома, он, как и многие в наше время молодые люди его сорта, оказался на борту корабля, ушедшего в море. После ряда приключений он попал на остров Эгина в Эгейском море, где начал практиковать в качестве лекаря, хотя не имел систематического образования в этой области. Он обнаружил в сфере медицины столько способностей или, по крайней мере, проявил столько находчивости в убеждении людей в своих лекарственных способностях, что вскоре завоевал широкую популярность. Жители Эгины сделали его своим лекарем, положив ему солидное жалованье за уход за больными на всем острове. В то время так было принято. Город, остров или какой-нибудь уединенный район страны выбирал официального лекаря, который за установленную плату должен был заботиться о больных общины, точно так же, как в наши дни это делают врачи в больницах и медицинских учреждениях.

Два года Демокед оставался на острове. За это время его популярность росла все больше и больше, пока, наконец, он не полу-

чил предложение из Афин о назначении там лекарем за значительно большую плату. Он принял предложение и проработал еще год в Афинах. Затем он получил еще более заманчивое предложение от царя Самоса Поликрата, о котором мы подробно рассказывали в предыдущей главе.

Некоторое время Демокед оставался при дворе Поликрата, где достиг наивысшего статуса и был одарен многочисленными почестями. Он вошел в семью царя, пользовался его полным доверием, участвовал во всех походах царя. Он сопровождал в поездке Поликрата в Сарды за сокровищами Орета и для согласования планов совместных боевых кампаний, о чем рассказывалось в предыдущей главе. Когда Поликрата убили, Демокед, к своему несчастью, вместе с другими представителями свиты царя оказался в плену у губернатора. В результате этого зигзага судьбы он неожиданно лишился богатства, комфорта и почета и оказался в положении жалкого униженного пленника в руках злобного и безжалостного тирана.

Длительное время Демокед томился в заключении. Когда Орета казнили по повелению Дария, казалось, настал час освобождения лекаря. Но не тут-то было. Его положение еще более ухудшилось, поскольку Бага, посланец Дария, вместо наведения справок о членах свиты Поликрата и облегчения их участи, отправил их скопом к Дарию в Сузы в качестве трофеев и свидетельств преданности персидскому царю и эффективности, с которой он выполнил поручение Дария. Таким образом, Демокеда погнали бесправным рабом на тысячи миль дальше от родного дома, чем он находился прежде, и без малейшей надежды на возвращение. Он прибыл в Сузы без средств к существованию, жалкий и убогий. Лекарь говорил на чужом языке, его бывший статус и профессиональное мастерство никому не были известны, в его облике из-за суровых условий существования исчезли все признаки, указывающие на прежний утонченный и благополучный образ жизни. Вместе с другими пленниками его отправили в тюрьму.

Демокед мог бы предпринять некоторые действия для огласки былой известности в качестве лекаря, но опасался, что Дарий, узнав о его искусстве, задержал бы его в рабстве у себя на службе. Он полагал, что какой-нибудь поворот судьбы или случайная перемена во власти дали бы ему больший шанс, чем служба семье царя в качестве раба-лекаря. Поэтому он уклонялся от огласки своего прошлого и томился в подземной темнице убогим оборванцем и в унынии, постепенно переходящем в отчаяние.

Примерно в это время случилось так, что Дарий участвовал однажды в бешеных скачках и по необходимости был вынужден спрыгнуть с коня. Он упал и растянул лодыжку. Слуги подхвати-

ли царя и отнесли домой. Были вызваны царские лекари, чтобы оказать ему помощь. Все они происходили из Египта, который считался в то время центром наук и врачевания.

Искусство придворных египетских лекарей оказалось, однако, бессильным перед проблемой избавления царя от растяжения связок. Они полагали, что в царской ноге произошло смещение суставов. Лекари выворачивали ступню Дария с такой силой в попытках выправить суставы, что вызвали сильную боль и воспаление в месте травмы. Дарий провел неделю в больших мучениях, он не мог заснуть ни днем ни ночью. После каждой попытки лекарей облегчить состояние царя тому становилось все хуже.

Наконец кто-то сообщил царю, что среди пленных, доставленных из Сард, находился греческий лекарь, и предложил Дарию послать за ним. В состоянии возбуждения и боли Дарий был готов на любой эксперимент, который обещал хоть малейшую надежду на облегчение страданий, и приказал немедленно привести Демокеда. Слуги бросились в темницу и вывели из нее напуганного пленника. Ни о чем не предупредив пленника, они притащили его, оборванного, несчастного, в железных кандалах, прямо к царю.

Сначала Демокед в ответ на расспросы царя отрицал, что ему знакомо лекарское искусство. Дария, однако, эта скрытность не обманула. Во время царской тирании среди тех, кто имел ценности, было принято их прятать, часто это была единственная возможность сохранить свою собственность. Дарий, хорошо знавший это, не поверил уверениям Демокеда и в состоянии раздражения и нетерпения, вызванного болью, велел подвергнуть пленника пыткам, чтобы тот сознался, что он действительно лекарь.

Демокед признался до того, как его подвергли пыткам. Из страха перед ними он признал, что обладает некоторым опытом врачевания, и немедленно занялся поврежденной лодыжкой царя. Осмотрев травму, он высказал мнение, что болезненные процедуры, которым подвергали царя египетские лекари, не требуются. Он стал лечить воспалившуюся опухоль более щадящими средствами. Демокед делал примочки и припарки, которые ослабляли боль, уменьшали опухоль, освобождали от беспокойного нервного состояния и лихорадки. Августейший страдалец успокоился и вскоре заснул.

Словом, царь быстро выздоровел и в знак благодарности к своему избавителю, чье искусство спасло его от страданий, велел снять с пленника железные кандалы и заковать его в кандалы из золота!

Можно было подумать на первый взгляд, что столь странный знак внимания имел целью лишь издевательство и оскорбление.

На самом деле Дарий всерьез рассматривал его как милость и вознаграждение. Он считал, что Демокед рассматривал свое пребывание в рабстве как постоянное и, следовательно, воспринимал кандалы не как унижение и несправедливость, а как неизбежное сопровождение своей судьбы. Таким образом, золотые кандалы для раба, естественно, воспринимались им как одаривание золотыми костылями инвалида. Демокед принял двусмысленный дар с большим добродушием. Он даже осмелился пошутить с выздоравливавшим царем. «Кажется, повелитель, – сказал он, – за избавление вас от травмы и смерти вы удвоили мои повинности. Вы подарили мне две цепи вместо одной».

Царь, бывший теперь в гораздо более добродушном состоянии, рассмеялся в ответ на шутку лекаря и освободил его от оков. Он распорядился, чтобы слуги проводили Демокеда в апартаменты дворца, где пребывали жены Дария и другие придворные дамы, чтобы те могли увидеть лекаря и выразить ему благодарность. «Это врач, который излечил царя», – представляли Демокеда евнухи. Дамы приветствовали лекаря с чрезвычайной любезностью и одаривали его золотыми и серебряными драгоценностями. Царь тоже не остался в стороне, предоставив своему избавителю великолепный дом в Сузах с дорогой мебелью и многочисленными слугами, а также другими знаками богатства и почестей, где тот жил в роскоши и великолепии. Словом, Демокед вознесся благодаря неожиданному повороту судьбы на вершину столь же величественную, сколь убогой и ничтожной была яма, в которой он находился. Он все еще оставался, однако, пленником.

Атосса, дочь Кира, которая уже упоминалась как жена Камбиза и мага Смердиса, теперь стала одной из жен Дария. Другой его женой была сестра Атоссы, Антистона. Третью жену звали Фатима, это была дочь Отана. Вышло так, что через некоторое время после излечения Дария заболела Атосса. Ее недуг был такого свойства, что женщине приходилось некоторое время скрывать его из-за стыдливости. (У Атоссы была опухоль в груди, которая перешла в конце концов в открытую язву, быстро увеличивавшуюся в размерах.) Напуганная болезнью, она вызвала Демокеда и сообщила ему о своем недуге. Тот обещал вылечить ее, но при условии, что она окажет ему необходимую услугу, если лечение будет успешным. Атосса должна была обещать лекарю выполнить его просьбу, какова бы она ни была. Он заверял, что в просьбе не будет ничего, что компрометировало бы достоинство царицы.

Атосса согласилась, и Демокед начал лечение. Вскоре она избавилась от болезни. И когда она поинтересовалась, о какой услуге он ее просил, тот ответил:

– Уговорите Дария начать подготовку к походу в Грецию и пусть пошлет меня с небольшим сопровождением в страну на разведку, чтобы снабдить царя необходимой информацией. Таким образом я вновь побываю на родине.

Атосса постаралась выполнить свое обещание. При первом же удобном случае, когда настала ее очередь встретиться с царем, царица завела разговор, имеющий целью настроить царя на мысли о расширении своей империи. Она убеждала Дария, что в его распоряжении много сил и ресурсов, которые позволят царю совершить новые завоевания и привлечь к нему восхищение всего мира. Дарий ответил, что подобные идеи уже появлялись в его голове. Царь сказал, что подумывал о походе против скифов: эти скифы представляли собой группу полудиких племен к северу от имперских владений. Атосса доказывала, что покорение скифов будет для царя слишком легкой задачей, гораздо более достойным предприятием, более соответствующим его способностям и ресурсам, был бы поход в Европу, покорение Греции. Ведь Дарий располагает всеми средствами для успеха такого предприятия, а при дворе у него служит человек, который сможет добыть ему разведывательную информацию об этой стране. Она пригодится царю для планирования похода.

Эти разговоры распалили воображение Дария. Он занялся разработкой планов похода. Через день-два царь сформировал небольшую группу доверенных лиц для отправки в Грецию на разведку. Группу сопровождали слуги и помощники, а Демокеду было дано указание ехать в качестве проводника. Поездка планировалась как путешествие делегации персидских сановников, заинтересованных в развлечениях и осмотре достопримечательностей. Подлинная цель поездки тщательно скрывалась. Поскольку проводник Демокед, хотя и родился в Италии, считался греком, был хорошо знаком со странами, через которые проходил маршрут экспедиции, предполагалось, что экспедиция не вызовет подозрений. Дарий поручил персам бдительно следить за Демокедом, не позволять ему отлучаться от делегации и вернуться в Сузы вместе с лекарем.

Что касается Демокеда, то он не собирался возвращаться в Персию, хотя держал свое намерение бежать в тайне. Во время подготовки экспедиции Дарий демонстрировал великодушие, говоря: «Советую тебе взять с собой все свои драгоценности для подарков друзьям в Греции и Италии. По возвращении я возмещу твои потери». Демокед отнесся к совету царя с большим подозрением. Он решил, что царь, предоставляя ему свободу действий, хотел убедиться, не собирается ли лекарь увезти все свои сокровища и таким образом вывести тайные помыслы грека о невозвраще-

нии в Сузы. Если замысел Дария состоял именно в этом, то он был обречен на провал благодаря бдительности и хитрости лекаря. В ответ он сказал царю, что предпочитает оставить свои сокровища в Персии, чтобы воспользоваться ими по возвращении. Тогда Дарий велел снабдить Демокеда дорогими подарками для друзей в Греции и Италии. Это были драгоценные сосуды из золота и серебра, оружие искусной выделки, дорогая роскошная одежда.

Наконец делегация отправилась в путь. Путешественники передвигались по суше на запад, в глубь континента, пока не достигли восточного побережья Средиземного моря. Они прибыли в порт Сидон, часто упоминаемый в Библии как большой языческий центр торговли. В то время Сидон переживал расцвет, считаясь одним из самых крупных средиземноморских портов в Западной Азии. Караваны путешественников шли к нему по суше, на верблюдов навьючивали тюки с товарами из Аравии, Персии и всего Востока. Флотилии кораблей прибывали туда морем с грузами зерна, вина и масла из стран Запада.

В Сидоне закончилась сухопутная часть путешествия. Здесь путешественники закупили два больших корабля, галеры с тремя рядами весел, которые должны были доставить их в Грецию. На этих галерах они разместились со всеми удобствами. Третье судно, приобретенное путниками, было транспортным, для перевозки их багажа, состоявшего в основном из переданных Дарием богатых подарков. Некоторые из подарков предназначались, как уже упоминалось, для друзей Демокеда, другие подношения от царя – выдающимся деятелям, которые могли встретиться по пути. Когда ценный груз был помещен на судно, а путешественники сели на корабли, маленькая флотилия вышла в море.

Греция разделена во многих местах морями, ее прерывистые извилистые берега образуют бесчисленные мысы, острова и полуострова, окруженные водой полностью или частично. Ведомые Демокедом, персидские путешественники петляли вдоль этих берегов, внимательно изучали особенности местности, подробно записывали сведения, добытые путем личного наблюдения или расспросов, которые могли бы представить интерес для подготовки Дарием вторжения в страну персидских войск. Демокед давал им возможность заниматься этим, тем не менее твердо держась курса на свой родной город Кротоне. Делегация совершала высадки в разных местах и повсюду встречала теплый прием. Перехват посланцев Дария греками не входил в интересы Демокеда. Имя и власть Дария внушали многим страх или пользовались большим уважением в Греции. Ее жители не были склонны чинить препятствия путешествию мирной делегации персидских сановников, передвигавшихся как обычные странники, да еще в сопрово-

ждении их выдающегося соотечественника, чье имя служило в определенной степени гарантией благих намерений делегации. Наконец флотилия взяла курс на запад, к побережью Италии, и прибыла в Тарант. Это был большой порт на итальянском побережье. Он располагался в начале обширного залива, омывающего подошву «итальянского сапога» между каблуком и носком. Кротоне, родной город Демокеда, куда теперь так страстно желал вернуться лекарь, находился в двухстах милях на юго-запад от Таранта вдоль побережья.

Весьма любопытно и необычно было то, что экспедиция, пройдя без задержек и препятствий такой далекий путь, была заподозрена в неладном властями как раз тогда, когда корабли достигли итальянского берега в месте, откуда Демокед мог бы легко добраться до дома. Правитель Таранта приказал захватить корабли. Он также захватил в плен персов и посадил их в тюрьму. Чтобы не дать кораблям выйти в море, он распорядился снять с них рулевое управление. Поскольку экспедиция, пусть даже на время, не может двигаться дальше, сообщил хладнокровно Демокед спутникам, он намерен воспользоваться случаем для короткого путешествия вдоль побережья, чтобы навестить своих друзей в Кротоне!

Здесь возникают подозрения, что захват кораблей экспедиции произошел не без участия Демокеда. Как только лекарь благополучно покинул спутников, правитель Таранта освободил заключенных персов, снял арест с кораблей и вернул на них рулевые управления. Персов возмутило обращение с ними местных властей. Они немедленно отправились вдогонку за Демокедом в направлении Кротоне. Лекаря обнаружили на городском рынке, где местные жители с большим любопытством слушали рассказы о его приключениях и удивлялись его внешнему виду. Персы попытались задержать Демокеда, призывая горожан помочь им и угрожая им мстью Дария в случае отказа. Часть горожан была расположена внять этим призывам, однако другие заступились за своего земляка. Началась потасовка, в которой победу одержали защитники Демокеда. Они не только освободили лекаря, но, узнав от него, что транспортное судно с грузами экспедиции является его собственностью, захватили и это судно и передали его Демокеду. Персам было заявлено, что, хотя они не могут претендовать на транспортное судно, галеры остаются в их распоряжении. Делегации позволили отправиться домой на этих галерах в любое время.

Теперь у персов не было иного выбора, кроме как отправиться в обратный путь. Правда, путешественники выполнили разведывательное задание почти полностью, но если бы возникла необ-

ходимость выведать что-либо еще, то у них не оставалось прежних преимуществ, поскольку отсутствовал грек-проводник, а значительная часть ценных подарков Дария, предназначенных, чтобы откупиться в случае необходимости от разного рода князьков, была утрачена. С учетом этого персы стали готовиться к возвращению в Сидон, в то время как Демокед обосновался в Кротоне. Перед отбытием экспедиции Демокед пожелал всем ее участникам счастливого пути и просил передать Дарию наилучшие пожелания, а также сообщить царю, что лекарь сейчас не может вернуться в Персию, поскольку готовится к женитьбе!

Неудачи, выпавшие на долю персидских разведчиков, были только началом их злоключений. Из-за встречных ветров их корабли сбились с курса и были выброшены на берег Иапиии – страны, занимающей каблук «итальянского сапога». Местные жители захватили их в плен и обратили в рабов. Случилось так, что в этой дикой стране оказался в это время богатый и образованный человек, высланный из Таранта по политическим соображениям. Его звали Гилл. Он узнал о несчастьях иностранцев и занялся устройством их судьбы. Этот человек считал, что, освободив пленников из рабства и отправив их домой, он заручится дружбой Дария и, возможно, обеспечит с его помощью восстановление своего правления на родине. В связи с этим Гилл заплатил за пленников требуемый выкуп и предоставил им свободу. Затем он помог персам собраться в обратный путь, и злосчастные путешественники возвратились, наконец, ко двору Дария без своего проводника, без богатств и драгоценностей, без всего, но, сохранив, к своей радости, хотя бы свои жизни.

У них, конечно, были основания опасаться гнева Дария, поскольку неистовую ярость тирана вызывали как несчастья, так и преступления. Однако Дарий на этот раз был расположен благосклонно. Он принял несчастных разведчиков радушно. Царь немедленно распорядился выдать вознаграждение Гиллу за выкуп пленников. Он хорошо заплатил также за информацию, добытую разведчиками о Греции, хотя обстоятельства, о которых мы расскажем позднее, помешали царю осуществить вторжение в эту страну немедленно.

Глава 7

Восстание в Вавилоне

Город Вавилон, бывший столицей Ассирийской империи, завоевал основатель Персидской империи Кир, присоединивший Ассирию к своим владениям. Это был большой город, отличавшийся богатством и великолепием. В свое время Кир сделал его одной из своих столиц.

Когда Кир овладел городом, он обнаружил в нем евреев, угнанных в плен. Как свидетельствует Библия, их пленил Навуходоносор, бывший царь Вавилонии. Святые пророки Иудеи предсказывали, что через семьдесят лет пленники вернутся на родину, а Вавилон будет затем разрушен. Первое предсказание сбылось после завоевания Вавилонии Киrom. Дарию выпало исполнить второе из предначертаний небес – покарать город.

Хотя в разрушении Вавилона Дарий и стал, таким образом, орудием божественного Провидения, это произошло непреднамеренно и неосознанно. В ужасных сценах осады и штурма несчастного города отразился импульс ненависти и мести, которому персидский царь подчинялся. Он абсолютно не осознавал в это время, что является посланцем божественного гнева. Несчастливым вавилонянам ужасы штурма и разорения города были посланы во искупление их двойного преступления. Гнев Господа вызвали их высокомерие, злобность и жестокость к евреям, в то время как их предательство и мятеж или, по крайней мере, то, что считалось предательством и мятежом, навлекли на них неминуемую кару персидского царя.

Жители Вавилона были склонны к мятежу еще во время правления Кира. Они привыкли считать свой город самой величественной и роскошной столицей мира. Их возмутило, что Кир не сделал город центром империи. Кир предпочел Сузы, Вавилон же в связи с этим, хотя и назывался одной из его столиц, вскоре деградировал до статуса провинциального города. Оставшиеся в нем представители знати начали вынашивать планы избавления от господства персов, дабы восстановить былую славу города.

Благоприятная ситуация для осуществления этих планов возникла во время узурпации власти в Персидской империи магами. Пока на троне сидел лже-Смердис, уединившийся в своем дворце в Сузах, провинции оставались без присмотра. Когда же Дарий и его сообщники разоблачили мага и предали его смерти, то потребовалось после столь кардинальной перемены обстановки значи-

тельное время для урегулирования дел в самой столице, прежде чем обратиться к делам отдаленных провинций. Жители Вавилона использовали любую возможность подготовить город для отражения нападения персидских войск. Они укрепили оборонительные рубежи, создали большие запасы продовольствия, приняли меры для освобождения города от части населения, непригодной для его обороны. Все это производилось организованно и скрытно. В Сузы поступили вести о мятеже в Вавилоне, что стало неожиданностью для правительства Дария.

Жители Вавилона выбрали для мятежа время, когда подвижные силы Дария были заняты в военной кампании в Малой Азии. Дарий послал их туда, чтобы сделать царем острова Самос некоего ссыльного и бродягу по имени Силосон. Персидского царя побудили возвысить Силосона следующие необычные обстоятельства.

Силосон был братом Поликрата, о трагической судьбе которого мы уже рассказывали. Его выслали из Самоса, перед тем как Дарий взойшел на престол, и он стал затем вести жизнь солдата фортуны, нанимаясь подобно этим авантюристам на службу везде, где возникала возможность добыть славу и деньги. В этом качестве он следовал в составе армии Камбиза в Египет во время памятного похода, описанного в первой главе этой книги. Случилось так, что Дарий, будучи тогда молодым знатным придворным, ничем пока не отличившимся и не предполагавшим, что он когда-либо сядет на царский трон, тоже состоял в армии Камбиза. Там оба молодых человека и познакомились.

В то время когда армия стояла в Мемфисе, произошел инцидент с их участием. Тогда он показался малозначащим, однако в дальнейшем имел важные последствия. Суть дела была вот в чем.

У Силосона был красивый плащ красного цвета, который вызвал восхищение Дария, когда однажды грек появился в нем, прогуливаясь по площади в Мемфисе. Дарий попросил Силосона продать ему плащ. Тот ответил, что плащ не продается, но он подарит его Дарию. Возможно, Силосон подумал, что Дарий откажется от подарка. Если так, то он ошибся. Дарий поблагодарил своего нового знакомого за великодушие и принял дар.

Силосона сильно опечалила утрата плаща. По окончании похода Камбиза в Египет Дарий вернулся в Персию, а Силосон остался на Западе. Наконец произошли события, связанные с организацией заговора против мага Смердиса и воцарением Дария. Вести о возвышении молодого сановника вскоре достигли Запада, и о них узнал Силосон. Они весьма обрадовали грека, и он мгновенно оценил выгоду, которую можно было извлечь из этого.

Силосон немедленно отправился в Сузы и попросился на прием к царю. Дворецкий поинтересовался, кто именно добивается сви-

дания с царем. Силосон ответил, что является греком, который некогда оказал Дарию услугу и хотел бы с ним увидеться. Дворецкий сообщил о посетителе Дарию. Царь никак не мог вспомнить, кем был этот посетитель. В его памяти не сохранилось ни одного эпизода, который напоминал бы об оказании ему греком услуги. Тогда царь приказал впустить гостя.

Силосона привели к Дарию, но он не узнал гостя. Царь попросил переводчика спросить посетителя, какую услугу и когда тот оказал ему. Грек напомнил об обстоятельствах приобретения Дарием плаща. О плаще царь помнил, хотя дарителя забыл напрочь. «Неужели ты тот самый человек, – воскликнул царь, – который сделал этот подарок? Я счел тебя тогда весьма великодушным, и ты увидишь, я не останусь неблагодарным. К счастью, обстоятельства сложились так, что я могу щедро вознаградить тебя за великодушие. Ты получишь столько золота и серебра, что никогда не пожалеешь об услуге, оказанной Дарию, сыну Гистаспа».

Силосон поблагодарил царя, но сказал, что золото и серебро ему не нужно. Дарий спросил, какого же вознаграждения он желает. Грек попросил отдать под его власть Самос. «Остров, – сообщил он царю, – был собственностью моего брата. Когда брат покинул Самос, то временно доверил управлять им Меандрию, своему придворному. Островом все еще правит эта семья, в то время как я, законный наследник, бродяга и изгнанник, лишенный владений брата одним из его рабов».

Дарий решил немедленно помочь Силосону. Он собрал в поход армию под командованием Отана, который, как помнят читатели, был одним из семерых заговорщиков, задумавших свергнуть с царского трона мага Смердиса. Царь приказал Отану сопровождать Силосона до Самоса и отдать греку остров во владение. Силосон особенно просил, чтобы во время захвата острова не допускались ненужные акты насилия, карательные акции и не проливалась лишняя кровь. Дарий дал Отану соответствующие указания.

Несмотря на это, поход привел в итоге к почти полному уничтожению жителей Самоса. И вот что произошло. На острове находилась крепость, где укрылись его жители, узнав, что Отан сажает на корабли, пришвартованные у побережья Малой Азии, войска и приближается к Самосу. Меандрия не радовала перспектива лишиться власти и собственности, а поскольку народ ненавидел его за притеснения так же, как и он его, то тиран совершенно не заботился о том, какие страдания принесут людям его меры по обороне острова. Меандрий мог воспользоваться тайным подземным ходом, связывавшим крепость с морским берегом, где в уединенной бухточке находились лодки и суда, готовые вывезти

его с острова. Приняв меры по обеспечению своей безопасности, Меандрий повел себя таким образом, чтобы вызвать у персов ярость, рассчитывая в последний момент сбежать по подземному ходу и бросить островитян на произвол судьбы.

У Меандрия был брат, который содержался в темнице, повредился умом и постоянно пребывал в озлобленном состоянии. Меандрий сделал вид, что желает сдать остров персам. Он вступил в переговоры с представителями персов, которые решили, что договор с островитянами заключен. Они собрались перед цитаделью в миролюбивом настроении, ожидая оформления капитуляции. В это время Харилай, брат Меандрия, содержащийся в заключении, заметил иноземцев через решетку в тюремной башне. Он срочно послал Меандрию записку, требуя переговорить с ним. Меандрий велел привести узника. Брат, оборванный и изнуренный, обалдевший от пребывания в камере и суматохи, поднявшейся вокруг него, обрушился на Меандрия с ругательствами и упреками. Он нещадно ругал брата за готовность бесславно капитулировать без борьбы перед противником, которого легко победить. «У тебя нашлось достаточно смелости и энергии, – кричал он, – чтобы вести войну против невинного и незащищенного брата, годами держать его в темнице, закованным в цепи, но когда показался настоящий враг, ты сдаешься ему без сопротивления, хотя он собирается лишить тебя всего и отправить в бессрочную ссылку. Если ты настолько труслив и ничтожен, чтобы выполнить свой долг, то дай мне солдат, чтобы я это сделал за тебя. Я сброшу этих персов в море с таким же удовольствием, с каким сбросил бы и тебя».

Меандрий решил, что самое лучшее для него – это удовлетворить просьбу брата. Он отдал свои войска под командование Харилая, и, пока разъяренный безумец атаковал во главе этих войск изумленных персов, расположившихся у цитадели, Меандрий ускользнул из крепости по подземному переходу. Персы были так возмущены немыслимой, по их представлениям, изменой, что, схватив оружие и построившись в боевые порядки, начали массовое избиение жителей Самоса. Они не щадили никого и передали, наконец, остров под управление Силосона, у которого теперь почти не осталось подданных.

Население Вавилона восстало как раз в то время, когда Отан значительной частью царских войск был занят в этой кампании. Вести о восстании привели Дария в ярость. Сатрапов тоже возмутил мятеж части подданных империи. Каковы бы ни были причины мятежа, полагали они, это только отягощает преступление вавилонян. Дария особенно разозлило, что вавилоняне воспользовались сложной ситуацией, когда его войска были заняты в

военной кампании. Если бы он располагал всеми войсками, то был бы раздражен мятежом не меньше, посчитав его вызовом царской власти.

Царь собрал все свои войска и двинулся на Вавилон. Жители закрыли перед ним ворота города и начали высмеивать Дария. Они плясали и прыгали на стенах, показывали царю непристойные жесты, сопровождая их криками, насмешками и издевательскими гримасами. Вавилоняне были уверены в неприступности своих оборонительных рубежей и, кроме того, считали Дария очередным узурпатором, незаконно захватившим трон. Они кричали своим врагам со стен: «Послушайтесь совета, возвращайтесь туда, откуда пришли! Вы только зря потратите время на осаду Вавилона. Вы возьмете город, когда мул ожеребится, не раньше!»

В интересах исторического повествования следует добавить, что в сознании древних греков каждое большое событие связывалось с какими-нибудь чудесами. Чтобы потрафить этому чувству, летописцы в ряде случаев придумывали чудо, приурочивая его к такому событию. В других случаях они возводили необычные, но отнюдь не сверхъестественные явления в ранг чудес. Чудо, связанное с осадой Вавилона, заключалось как раз в производстве мулом потомства. Мул принадлежал военачальнику армии Дария по имени Зопир. Это случилось после полуторалетней безуспешной осады Вавилона Дарием. Армия уже отчаялась когда-либо покорить город. Зопир смирился с тем, что осада будет продолжаться бесконечно или прекращена, когда его внимание привлек мул. Он вспомнил насмешки вавилонян со стен города, и ему показалось, что появление у мула потомства знаменует момент, когда может быть придуман способ взять город.

Предзнаменования и пророчества часто влекут за собой идеи, способствующие их осуществлению. Зопир пришел к Дарию, чтобы выяснить, как долго царь готов дожидаться конца осады. Военачальник хотел знать, считал ли Дарий вопрос сокращения срока осады достаточно важным, чтобы пойти на достаточные жертвы для его решения. Зопир обнаружил, что этот вопрос очень волнует царя. Дарий с большим нетерпением ожидал окончания осады и овладения городом. Военачальник сразу понял, что, если бы он мог каким-либо способом поспособствовать этому, то был бы вправе рассчитывать на щедрую благодарность царя.

Тогда он решил проникнуть в Вавилон под видом перебежчика с таким расчетом, чтобы получить в дальнейшем важный пост в городе и использовать его в интересах осаждавших войск. Чтобы убедить вавилонян в искренности своего дезертирства, Зопир решил обезобразить себя, тогда осажденные не заподозрили бы перебежчика в том, что он нанес себе раны с целью обмана своих

врагов. Военачальник отрезал себе волосы и уши, обезобразил лицо таким ужасным способом, что раны невозможно было устранить, затем велел избивать себя до тех пор, пока все его тело не покрылось рубцами и ушибами. Покрытый кровоточащими ранами, он явился к Дарию, чтобы узнать планы царя.

Дарий оцепенел при виде столь ужасного зрелища. Он соскочил с трона, бросился к Зопиру, причитая, кто посмел так обращаться с ним. Когда Зопир признался, что сам обезобразил себя, изумление царя возросло еще больше. Он назвал Зопира безумцем. Зопир ответил, что он отнюдь не безумен, и разъяснил свой замысел. По его словам, он тщательно и хладнокровно разработал план. «Я не хотел знакомить вас со своим планом до тех пор, – сказал военачальник, – пока не сделаю предварительных приготовлений, поскольку знал, что вы меня удержите от них. Теперь же ничего не остается, кроме как попытаться извлечь выгоду, если возможно, из того, что я уже сделал».

Затем военачальник обсудил с Дарием свои планы, которые можно было выполнить только при согласовании их с царем. Если под его командование отдадут часть войск вавилонян, то в определенный день он совершит с ними вылазку из ворот города для нападения на отряд персов, который Дарий умышленно обрежет на разгром, благодаря которому перебежчик прославится среди вавилонян. Таким образом, доверие вавилонян к дезертиру возрастет еще больше, и он получит под свое командование еще больше войск. Взаимодействуя с Дарием, он постепенно рассчитывал приобрести в городе такое положение, когда сможет открыть ворота и впустить осаждавших. На десятый день после проникновения Зопира в город Дарий должен был разместить отряд из тысячи хорошо вооруженных воинов у определенных ворот. Этот отряд должны были одолеть вавилоняне. Через семь дней отряд из двух тысяч персидских воинов следовало разместить уже в другом месте. Его тоже должны были уничтожить во второй вылазке вавилоняне. Через двадцать дней еще четыре тысячи воинов должна была постигнуть участь двух первых отрядов, и, таким образом, семь тысяч воинов были обречены на бессмысленную смерть, или они должны были погибнуть, как выразился Зопир, «без последствий». В то время жизни людей имели значение для завоевателей лишь как выражение численности их огромных армий.

После этого Зопир расстался с царем и отправился в Вавилон. Покинув военный лагерь персов, он бросился бежать, постоянно озираясь вокруг, как если бы боялся погони. Несколько персов побежали якобы преследовать его. Военачальник бежал к воротам города. Часовые на стенах Вавилона заметили его. Когда бег-

лец остановился у ворот, стражник с внутренней стороны ворот спросил у беглеца, кто он, и услышал в ответ легенду о причинах бегства. Когда стражник передал этот рассказ своим командирам, те разрешили впустить беглеца. Затем дезертир, представший перед властями города, поведал душераздирающую историю о жестокостях, которые претерпел беглец от Дария, и о трудностях, которых стоил ему побег от тирана. Более того, он сообщил вавилонянам, что знаком со всеми планами Дария и расположением его войск. Зопир вызвался через несколько дней, когда его раны чуть-чуть заживут и если вавилоняне разрешат ему командовать небольшим отрядом, показать своим спасителям на деле, насколько он может им быть полезен.

Вавилоняне согласились испытать беглеца и примерно к концу десятидневного срока передали под его командование небольшой отряд. Во главе этого отряда Зопир совершил вылазку из ворот города и, как было согласовано с Дарием, внезапно атаковал отряд из тысячи персидских воинов с целью его разгрома. Хотя вавилонян, участвовавших в вылазке, было меньше, чем в отряде персов, последние ничего не подозревали, не имели возможности укрыться или попросить подмогу. Вавилоняне почти полностью вырезали персидский отряд и благополучно вернулись в город. Зомира и других участников вылазки встретили в городе с ликованием и радостью. Через семь дней ему не составило труда получить под свое командование отряд большей численности. Совершив вылазку с ним через другие ворота, Зопир добился по согласованию с Дарием еще одной победы, уничтожив на этот раз вдвое больше персов. Эти подвиги обеспечили мнимому дезертиру невероятную славу и почет в городе. Все с ликованием приветствовали его. Власти пригласили его на совет, предложили верховное командование и согласились предпринимать все свои действия после консультации с ним. Наконец на двадцатый день Зопир совершил третью вылазку, уничтожив и захватив в плен еще большее число персидских воинов. Новая победа обеспечила ему такое положение в городе, что он без особого труда мог получить ключи от городских ворот, через которые по договоренности с Дарием нужно было впустить внутрь персидскую армию.

Когда наступило время штурма, персы выстроились перед этими воротами для атаки, а вавилоняне заняли свои места на стенах города для обороны. Едва началась битва, как горожане обнаружили, что ворота открыты и через них внутрь города проникают войска противника. Вскоре город полностью оказался в распоряжении завоевателя. Дарий велел снять бронзовые ворота, срыть стены и распять на крестах три тысячи наиболее знаменитых горожан. Назначив для других вавилонян новое правительство,

царь увел свои войска и вернулся в Сузы. Он одарил в Сузах Зопира всеми возможными наградами и почестями. С лица военачальника нельзя было стереть следы увечий, и Дарий часто говорил, что был бы рад отдать за это двадцать Вавилонов.

Глава 8

Поход в Скифию

В древних империях часто происходило так, что первым своим делом их повелители считали подавление внутреннего бунта; вторая же задача, которую они ставили перед собой, – покорить свирепые и полудикие народы, проживавшие у границ империй. Дарий следовал этой традиции. Подавление мятежа вавилонян укрепило его власть в империи. Если его мощи не смог противостоять столь большой, богатый город с многочисленным населением, то в этом не смогла бы преуспеть никакая другая менее обширная провинция или столица. Следовательно, вся имперская территория Азии от столицы Сузы до самых дальних пределов, которые отодвинул Кир, покорно принимала его владычество. Он чувствовал прочность своего положения и, будучи молодым и горячим, стремился испытать свое могущество на деле. По ряду причин царь еще не был готов полностью помериться силами с греками и поэтому решил сначала совершить военный поход в Скифию. Это предприятие требовало немало смелости, поскольку речь шла о стране, в завоевании которой потерпел неудачу могущественный предшественник Дария, основатель Персидской империи Кир.

Понятие «скифы» было общим обозначением полудиких племен, обитавших на негостеприимной территории севера, которая простиралась от побережий Каспийского и Черного морей до берегов реки Дунай. Свидетельства древних историков об обычаях и образе жизни этих племен отрывочны и противоречивы. Те, кому удалось побывать среди этих племен, отмечали их чрезвычайную грубость и вместе с тем простоту нравов, их правдивость и верность обещаниям, прочность семейных и родственных связей. Эти авторы отмечали, что скифы не были рабами своих страстей и желудка. Им была чужда страсть к наживе, они терпеливо переносили страдания, были отзывчивы на доброту и непоколебимо привержены принципам долга и чести. Другие писатели, однако, видели в дикой жизни не более чем коварство и жестокость.

Причина такого разброса мнений, несомненно, в том, что дикая жизнь, так же как любой другой этап развития человеческого общества, представляет все разнообразие человеческого поведения и характеров. Внимание каждого исследователя привлекает тот или иной набор явлений в зависимости от обстоятельств, в

которых он оказался, когда производит свои изыскания, или от настроения в данный момент.

Но вернемся к скифам.

Племена, против которых выступил Дарий, обитали в местности, расположенной к северу от Дуная. Следовательно, маршрут его похода пролегал через территорию Малой Азии, затем через Геллеспонт, или Босфор, во Фракию и из Фракии через Дунай. Это был далекий и опасный поход.

У Дария был брат по имени Артабан. Он не только считал поход, который затеял царь, трудным и опасным, но полагал также, что Скифия представляла собой небольшую ценность. По его мнению, даже если завоевание этой страны было бы успешным, оно не смогло бы компенсировать усилия, затраты и опасности предприятия. Однако доводы Артабана не произвели впечатления на Дария. Он поблагодарил брата за предупреждение, но велел продолжать приготовления к походу.

Он послал отряд воинов разведать маршрут, по которому должна будет пройти его армия, и разослал приказы в провинции, через которые пролегал ее путь, подготовиться к встрече, велел построить мост из лодок через Босфор в районе Халкедона. Сооружение моста было поручено строителю из Самоса по имени Мандрокл. Жителям провинций вменялось в обязанность снабжать всем необходимым войска на марше, как пехоту, так и кавалерию, пополнять их численность.

Как бывает в таких случаях, рекруты пополняли армию, отправившуюся в столь длительный и опасный поход, исходя из разных мотивов. Одни шли служить охотно из любви к приключениям или в надежде пограбить, другие шли по принуждению, боясь сурового наказания.

Примером может послужить перс по имени Абаз, у которого было три сына, мобилизованных в армию. Абаз, не желая в своем преклонном возрасте остаться в одиночестве, попросил у царя разрешения оставить одного из сыновей дома для ухода за отцом. Дарий отнесся к петиции доброжелательно. Он ответил Абазу, что его просьба столь скромна и обоснованна, что царь сделает для старика больше, чем он просит. Дарий распорядился, чтобы все три сына остались с отцом. Абаза по возвращении с аудиенции у царя переполняла радость, что его семья не будет вообще разлучена. Однако Дарий приказал убить трех молодых людей и послать трупы домой с сопроводительной запиской отцу, что сыновья навечно остаются с ним, освобожденные от воинской службы.

Сборный пункт различных войск, участвовавших в походе, начиная от армии Дария, шедшей из Суз, и кончая войсками и флотилиями кораблей прибрежных провинций Малой Азии, нахо-

дился на берегах Босфора в том месте, где Мандрокл соорудил мост. Жителей Ионии, области, расположенной в Малой Азии на берегах Эгейского моря, обязали построить и оснастить флот галер и направить его к мосту. Далее флот должен был следовать к Дунаю. Он должен был пройти Босфор и выйти в Понт Эвксинский, который сейчас зовется Черным морем, затем двигаться к устью реки. После подъема по Дунаю до определенного пункта воины должны были высадиться на берег и строить мост через реку, используя, видимо, для этого свои галеры. Между тем армия должна была пересечь Босфор по мосту, построенному Мандроплом, и следовать в направлении Дуная по территории Фракийского царства. Этот план предполагал, что, когда главные силы армии достигнут Дуная, мост через реку будет уже готов. Замысел о строительстве моста в Малой Азии для перехода армии, следующей к Дунаю, о флоте галер, направляемом в устье Дуная к определенному пункту через Черное море, был оригинальным и грандиозным. Он красноречиво свидетельствует о прославленном военном гении греков, потому что именно при их помощи этот замысел мог быть реализован.

Дарий торжественно проследовал через территорию Малой Азии во главе 70-тысячной армии в направлении Босфора. Он двигался не спеша, сопровождавшие его строители и архитекторы успевали построить памятные колонны и монументы вдоль пути его продвижения. Памятные сооружения помечали надписями, прославлявшими Дария в такой экстравагантной форме в качестве главнокомандующего. Наконец торжественное шествие прибыло в место сбора на Босфоре, где его ожидало величественное зрелище.

Мост из лодок был построен, а ионийский флот из 600 галер стоял рядом на якоре. На берегу высились ряды шатров, тысячи всадников и пехотинцев выстроились в один ряд с реющими стягами и сверкающими на солнце доспехами. Воины жаждали увидеть и приветствовать блестящего самодержца, который прибыл с такой пышностью, чтобы принять их под свое командование. Высокие берега Босфора живописны, повсюду толпились зрители.

Дарий обосновался в военном лагере на берегу и предпринял необходимые приготовления для выступления в поход. Пока он находился еще в своих владениях, но ему предстояло перейти на другую территорию, встретить новые неизвестные опасности, оказаться среди враждебных племен. Естественно, в связи с этим царь сделал перед продолжением похода паузу, чтобы еще раз продумать свои планы, учесть каждое обстоятельство, влияющее на успех предприятия.

Прежде всего царь осмотрел мост из лодок и остался доволен его конструкцией. Он похвалил Мандрокла за мастерство и осыпал его наградами. На деньги, полученные от царя, Мандрокл нанял скульптора, который создал памятник, прославляющий строительство моста по указанию Дария. Скульптура изображала Босфор, через который переброшен мост, и сидящего на троне царя, наблюдающего, как через мост идут его войска. Эта скульптура по завершении была помещена в один из греческих храмов и выставлена на всеобщее обозрение. Дарию весьма понравились как сама идея Мандрокла соорудить скульптуру, так и мастерство скульптора. Он одарил строителя моста новыми наградами, не был забыт и скульптор.

Мост располагался в середине Босфора, и, поскольку сам пролив имеет длину около 18 миль, расстояние от моста до Понта Эвксинского составляло 9 миль. У впадения пролива в море находился небольшой архипелаг, который тогда называли Кианейскими островами. Во времена Дария они пользовались известностью как дрейфующие и зачарованные острова. Хотя сверхъестественные свойства островов за ними не сохранились, однако к ним притягивало одно обстоятельство. Острова располагались за проливом, они давали возможность путешественнику устроиться на какой-нибудь живописной скале или удобном холме и обозревать голубые дали Понта Эвксинского.

Пока армия и флот готовились у моста к походу, Дарий решил совершить экскурсию на острова. На борту великолепной галеры он прошел Босфор до моря и высадился на один из островов. Там находился храм, посвященный одному из греческих божеств. В сопровождении свиты и слуг царь поднялся в храм и, заняв предназначенное ему место, стал обозревать водные пространства, распростершиеся перед ним.

Наконец он вернулся к мосту, обнаружив, что армия и флот готовы к походу. Перед тем как оставить азиатский берег, Дарий решил воздвигнуть монумент на месте выступления в поход. Царь велел поставить две колонны из белого мрамора с соответствующими надписями. Наиболее заметная среди них упоминала имя царя, возглавившего поход. Были перечислены также названия народов, представители которых участвовали в походе, с указанием их численности и список кораблей флота. Надписи были выбиты на обеих колоннах, только на одной из них – на ассирийском языке, принятом тогда в Персидской империи, а на другой – на греческом. Таким образом, одна колонна предназначалась для Азии, другая – для Европы.

Наконец наступил день выступления в поход. Корабли подняли паруса, а через мост потянулась бесконечная колонна воинов.

Флотилия прошла Босфор и вышла на просторы Понта Эвксинского и затем, двигаясь вдоль западного берега моря, дошла до устья Дуная. Корабли вошли в реку один за другим по одному из ответвлений и два дня поднимались вверх по реке. Преодолев устье, они вошли в русло реки и здесь пристали к берегу. В то время как часть войск, прибывшая на борту кораблей, высадилась на сушу и занялась организацией обороны, другая часть принялась строить мост через реку, располагая корабли впритык один к одному.

В это время Дарий во главе основных сил армии двигался от Босфора по суше. Территория, по которой они двигались, называлась Фракией. По пути с войсками происходили разные приключения, как свидетельствуют летописи, они увидели много необъяснимых и удивительных явлений. Например, воины пришли к истокам поразительной реки, которая текла в западном и южном направлениях к Эгейскому морю. Река называлась Теар. Ее образовывали 38 ключей, бьющих из одной скалы, причем некоторые из них давали теплую, а другие – холодную воду. Полученная от смешения этих потоков вода была чистой, прозрачной и вкусной. Она отличалась замечательными лечебными свойствами. Река так понравилась Дарию, что он решил сделать привал, чтобы войска попользовались ее водой. Царь велел построить в месте привала монумент, надписи на котором содержали не только обычные сведения об участниках похода, но и похвалу целительным свойствам воды чудодейственной реки.

В одном из пунктов по пути следования войск через Фракию Дарий решил внести разнообразие в череду монументов, приказав соорудить пирамиду. Пирамида представляла собой груды камней, подобную тем, какие добровольно складывают путники в горах Шотландии или Швейцарии, чтобы отметить место, памятное каким-нибудь необычным случаем или несчастьем. После того как гид расскажет группе туристов примечательную историю, каждый из слушателей добавляет к груде камней свой камень, и так происходит до тех пор, пока она не достигнет весьма значительных размеров. Дарий наметил подходящее место близ одного из военных лагерей и велел, чтобы каждый воин бросил камень для сооружения пирамиды. Благодаря этому быстро выросла гора камней. Она не только обозначила маршрут следования армии, но и бесчисленное множество воинов, участвовавших в походе.

Во Фракии Дарию рассказали одну историю о царе, правившем в одном из местных царств, который захотел узнать численность своих подданных. Он выбрал для переписи оригинальный способ, заключавшийся в том, что каждый из его подданных присылал царю наконечник стрелы. Когда все наконечники были собраны

в одном месте, официальные учетчики подсчитали их, и таким образом была определена общая численность населения царства. Затем наконечники стрел сложили в своеобразную пирамиду. Возможно, этот примитивный способ переписи и подсказал Дарию идею его пирамиды.

Во время перехода от Босфора к Дунаю войска Дария оказались во владениях племени варваров, которые в отправлении религиозных культов придерживались обычая хотя и шокирующего, но напоминающего о благотворном влиянии религии на наше сознание. Человеческим душам в условиях бед и испытаний присущ универсальный инстинкт, заставляющий их остро чувствовать необходимость помощи незримого сверхъестественного мира. Почти всегда грубые, дикие народы в попытках заручиться поддержкой свыше считают свои лишения и страдания, вызываемые в случае необходимости искусственно, средствами получения такой помощи. Создается впечатление, что инстинктивное осознание собственной вины, которое в умах людей естественно и прочно ассоциируется с представлением о незримом мире и божественной силе, требует некоего искупления в качестве необходимой предпосылки общения с небесным царем. Упомянутое племя дикарей выражало это чувство ужасным способом. Среди соплеменников возник обычай раз в пять лет выбирать по жребию человека, которого в торжественной обстановке отправляли посланцем к богу. Выбранную жертву клали на землю посреди большого круга соплеменников, наблюдающих ритуал. Здесь находились также исполнители ритуала, вооруженные копьями. Другие соплеменники, отличающиеся недюжинной физической силой, поднимали жертву с земли, три раза раскачивали ее для придания инерции ее полету и бросали что есть силы вверх. Копьеносцы стремились поймать падающую жертву на острия своих копий. Если несчастного удавалось убить, то все считалось в порядке. Погибший передаст богу перечень нужд и потребностей племени, а соплеменники будут ожидать благоприятной реакции верховного существа. С другой стороны, если бы жертва избежала смерти, то это означало бы, что бог не принимает ее. Тогда избежавший смерти соплеменник с позором изгонялся из племени, а на его место выбирали по жребию другую жертву.

Когда армия Дария достигла берегов Дуная, обнаружилось, что флот ионийцев ожидал ее в условленном месте. Корабли выстроились поперек реки в качестве моста, и, поскольку врагов поблизости не было, армия быстро переправилась на другой берег. Теперь персидские воины действительно находились в Скифии, они немедленно приготовились к дальнейшему походу и отражению возможных нападений противника. Дарий велел разрушить

мост и уничтожить покинутые галеры. Он предпочел иметь при себе всю армию, чем оставлять значительные силы для охраны брошенных кораблей. Приказ начали было выполнять, когда один греческий военачальник, командовавший частью войск, укомплектованных воинами из провинций Малой Азии, попросил разрешения переговорить с царем. На свидании с монархом он сказал:

– Мне кажется, господин, что было бы благоразумнее сохранить мост под опекой тех, кто его строил. Вполне возможно, что мы воспользуемся им на обратном пути. Мой совет сохранить мост не связан с желанием обеспечить путь для отступления, я уверен в победе, если нам вообще удастся встретить скифов. Но наш враг кочует с места на место и не имеет постоянного пристанища. В этой стране нет городов или каких-нибудь укрепленных пунктов, которые противник стремился бы защитить, вполне возможно, мы вообще не сможем столкнуться с ним в бою. Кроме того, если наш поход пройдет так успешно, как мы ожидаем, то важно сохранить удобные коммуникации со странами, оставшимися позади нас.

Царь прислушался к совету военачальника и отменил приказ о разрушении моста. Он распорядился, чтобы ионийцы, которыми были укомплектованы корабли, остались у реки охранять мост. Им было велено выполнять функции охранников в течение двух месяцев, а затем, если бы Дарий не вернулся и если бы о нем не было никаких сведений, им разрешалось по собственному усмотрению покинуть пост и вернуться домой на своих галерах.

Два месяца – слишком короткий срок, чтобы дожидаться возвращения армии, ушедшей в поход среди бескрайней и безграничной степи. Однако вряд ли ошибалась летопись, потому что способ, который выбрал Дарий, чтобы дать возможность войскам, оставленным для охраны моста, рассчитать время ожидания, был оригинальным. Он подробно описан. Судя по преданию, царь взял тесемку и завязал на ней 60 узлов. Он передал тесьму предводителям ионийцев, которые должны были остаться для охраны моста, и велел развязывать каждый день один из узлов. Когда все узлы тесьмы будут развязаны, ионийцы смогут действовать по своему усмотрению. Они могли бы в любое время покинуть свой пост и вернуться по домам.

Нам трудно представить, что военачальники, способные вести войско численностью 70 тысяч человек в далекий поход, располагающие достаточными знаниями и умением для строительства мостов через Босфор и Дунай, могли прибегать к такому примитивному методу, как этот, чтобы регулировать свои операции. Однако следует помнить, что, хотя военачальники древности бы-

ли знающие и толковые люди, рядовые воины мыслили как дети. Все крупные военачальники обычно прибегали к отчетливо зримым символам, чтобы влиять и управлять этими воинами. Между тем Дарий был абсолютно убежден, что вернется к реке раньше, чем будут развязаны узлы на тесьме.

Глава 9

Отступление из Скифии

Эгоистичная и всепоглощающая жажда власти – вот мотив, которым руководствовался Дарий, вторгаясь в Скифию. Им двигали стремление расширить пределы империи, погоня за славой. Свой поход в Скифию он оправдывал тем, что в прошлом эти кочевники вторгались во владения империи. Но это был только предлог.

Когда от реки началось продвижение войск Дария, среди скифов распространились слухи о приближении врагов. Узнав о нависшей угрозе, они разослали гонцов в соседние племена с призывами к союзу и взаимопомощи. Эти племена, как и сами скифы, вели кочевой полудикий образ жизни, хотя каждое из них имело собственный отличительный знак варварства. Кочевники одного племени имели традицию привозить домой головы врагов, убитых в боях. Каждый из них насаживал свой ужасный трофей на шест и устанавливал его на крыше хижины рядом с печной трубой, где, по разумению кочевника, голова врага будет играть роль амулета, защищающего его семью от напастей. Кочевники другого племени жили в состоянии промискуитета, подобно примитивным видам животных. В результате подобного образа жизни они, согласно абсурдным утверждениям историков, были связаны прочными узами родства и пребывали в постоянном мире и согласии, были лишены зависти, ревности и других порочных страстей. Третье племя обосновалось в местности, кишевшей змеями, которые однажды выжили из нее соплеменников совсем. Говорили, что люди этого племени раз в году превращались в волков и после пребывания в течение нескольких дней в таком виде вновь обращались в людей. В четвертом племени люди красили свою кожу голубой и красной краской. Соплеменники пятого были каннибалами.

Самым примечательным из всех преданий о северных дикарях была легенда о савроматах и их женах-амазонках. Амазонки представляли собой мужеподобных свирепых женщин, которые часто упоминаются в древних преданиях и легендах. Как мужчины, они скакали верхом на конях и в сражениях проявляли такую смелость и силу, что одолеть их было почти невозможно. Однажды племя женщин, проживавшее на побережье Понта Эвксинского, покорили греки и увели значительную часть из них в плен. Они разместили пленниц на трех кораблях, ушедших в море.

Женщины восстали против своих порабощителей и побросали их за борт, завладев таким образом кораблями. Они направили корабли к берегу и высадились в месте, о котором не имели никакого представления. Это было на северо-западном побережье моря. Они бродили по этой местности, пока не столкнулись с табуном диких лошадей. Женщины объездили лошадей, вооружились оружием, которое захватили на кораблях или сделали сами на берегу. Сорганизовавшись и оснастившись таким образом, они начали совершать набеги с целью грабежа. Скифы считали амазонок мужчинами, но ничего определенного о них не знали. Их язык, внешний вид, поведение и одежда были совершенно необычными. Обитатели Скифии не могли себе представить, кто эти люди, откуда они появились столь неожиданным и мистическим образом.

Наконец во время одного из сражений скифы пленили двух необычных воинов. К их крайнему изумлению, это были женщины. Сделав подобное открытие, скифы переменили отношение к чужеземцам. Они придумали план, основанный на универсальности полового инстинкта. Скифы набрали отряд наиболее привлекательных и сильных молодых людей и, дав им соответствующие указания, отправили на встречу с амазонками.

Отряд скифских всадников выехал на встречу с воительницами без малейших враждебных намерений. Молодые скифы приблизились к лагерю амазонок, кружили некоторое время вокруг него, не проявляя никакой воинственности. Им дали указания являться перед чужеземками как можно чаще, но не вступать с ними в бой. Молодые воины должны были держаться как можно ближе к амазонкам, но на безопасном расстоянии, задерживаться на месте и глядеть на воительниц, как будто под влиянием увлеченности. Если бы амазонки ехали навстречу скифам, те должны были отдаляться от них; если бы преследование амазонок продолжалось, скифские воины должны были бы ехать быстрее, чтобы их не догнали. Затем, если бы амазонки поворачивали назад, воины делали бы то же самое, следуя за женщинами и останавливаясь близ их лагеря в том же месте.

Некоторое время амазонок озадачивало столь странное поведение незнакомцев, но постепенно они привыкали смотреть на всадников без страха и даже без враждебности. Наконец один молодой воин, высмотрев амазонку, которая отстала от подруг, последовал за ней с намерением ухаживать. Та не стала его прогонять. Молодой человек и девушка говорили на разных языках. Однако они смогли общаться при помощи взглядов и жестов. Через некоторое время пара рассталась, договорившись, что на следующий день приедут на место встречи в сопровождении

приятеля и подруги.

Таким вот образом началось дружеское общение сторон. Пример оказался заразительным. Стали возникать семьи. Словом, в короткое время оба племени перемешались и объединились, скифы и амазонки повели жизнь семейными парами. Повинуясь своему природному половому инстинкту, грубые и свирепые женщины решили выбрать жизнь с мужьями, нежели продолжать прежний образ жизни. Любопытно отметить, что способы, посредством которых были покорены женщины, то есть проявление к ним постоянного интереса и внимания, однако без крайнего выражения страсти и нетерпения, а также искусное чередование напора и отступления, были, по сути, те же, которыми во все века сердце женщины отвращалось от вражды и ненависти к любви.

Мы говорим о покорении амазонок. Но фактически они покорили своих завоевателей, потому что в конечном счете во всех будущих планах и предприятиях они руководили своими скифскими мужьями, а не мужья ими. Мужья хотели вернуться домой с женами, которых хотели защищать и содержать в общине в чести и довольстве. У амазонок между тем были иные соображения. Обычай и образ жизни, утверждали они, не позволяют им чувствовать себя любимыми и достойными среди других людей. Амазонки пожелали, чтобы мужья вернулись домой и уладили свои дела, а затем вернулись к своим женам, чтобы они вместе отправились на восток в поисках подходящего места поселения. Мужья приняли их предложение, и в результате образовалась новая народность под названием савроматы, которые с этих пор заняли место среди других варварских племен, проживавших на северных берегах Понта Эвксинского.

Такие племена и народности населяли Скифию. Как только армия Дария перебралась на другой берег Дуная, скифы разослали гонцов ко всем племенам с предложением объединиться в борьбе с завоевателем. «Нам следует объединиться в борьбе с ним, – предупреждали скифы, – ибо, если он подчинит один народ, это лишь облегчит ему покорение всех других, эта угроза общая для нас всех». Гонцы доставили послания с таким предупреждением разным племенам, и некоторые из них откликнулись на призыв объединиться. Другие пренебрегли им, сказав, что вторжение Дария – это следствие ссоры между царем и скифами, сами же они не намерены навлекать на себя гнев столь могущественного государя. Отказ возмутил скифов, но выхода у них не было, они стали готовиться к отражению нашествия персов самостоятельно и при помощи тех племен, которые изъявили готовность участвовать в этом.

Скифы вели кочевой образ жизни. Их страна представляла собой обширные зеленые пространства, прекрасные на вид, но главным образом невозделанные целинные земли; там было немного городов и деревень. Кочевники избрали свой способ ведения войны. Они медленно отступали перед наступавшей армией персов, увозя с собой или уничтожая все, что могло пригодиться завоевателям. Скифы создали летучий конный отряд, которому поручили кружить вокруг военного лагеря Дария и доставлять скифским предводителям сведения о передвижениях вражеских войск. Конникам вменялось в обязанность тревожить фланги и тылы противника, захватывать или уничтожать персидских воинов, отлучившихся из лагеря. Таким образом, скифы держали завоевателей в постоянном напряжении, не давая им передышки и срывая их планы дать решающее сражение.

Уклоняясь от сражения с персами, скифы отступали и заводили их на те территории, где проживали племена, отказывавшиеся объединиться в борьбе с врагом. Своими искусными маневрами кочевники навлекали лишения и тяготы войны на своих соседей. Вскоре Дарий обнаружил, что по-прежнему далек от достижения целей похода. Царь решил действовать напрямую.

Он послал предводителю скифов по имени Иданфирс гонцов с посланием следующего содержания:

«Глупец! Сколько будет продолжаться твое абсурдное и нелепое поведение? В твоих силах принять то или иное решение. Если ты полагаешь, что способен сразиться со мной, остановись, и мы начнем бой. Если нет, то признай мое превосходство и подчинись моей власти».

Предводитель скифов отослал такой ответ:

«Мы не собираемся сражаться с тобой в открытом бою на поле брани, потому что ты не причиняешь урона нашим силам и неспособен сделать это. У нас нет городов и возделанных полей, которые ты можешь захватить или разорить. Ты рыщешь по нашей стране, не причиняя нам вреда, и можешь продолжать это делать, если тебе угодно. На нашей земле нет ничего, чему ты можешь повредить, кроме места, где покоятся наши предки. Если бы ты посягнул на это место – что, возможно, ты и сделаешь, если обнаружишь его, – то мы сойдемся в битве. Пока же ты можешь идти куда угодно. Что касается признания твоего превосходства, то этого не будет. Мы не склонимся перед тобой».

Несмотря на отказ скифов вступить в сражение с персами, кочевники время от времени совершали короткие и неожиданные набеги на военный лагерь завоевателей, выбирая время, когда противник терял бдительность. Скифы располагали конными отрядами, весьма приспособленными для таких набегов. Однако

эти отряды всадников приходили в замешательство от весьма простого средства обороны. В обозе персов находилось большое число ослов, используемых как вьючные животные для перевозки шатров и грузов. В моменты тревоги и опасности ослы имели привычку ужасно реветь. Это все, что они умели делать, помимо своих основных обязанностей. Реветь при приближении опасности – довольно сомнительный способ от нее избавиться, тем не менее в данном случае он оказался весьма эффективным. Кони скифов, не боявшиеся пик и копий, громких криков людей, сражающихся друг с другом, паниковали и обращались в бегство, когда слышали невообразимый рев, раздававшийся из лагеря персов при приближении к нему. Таким образом, могущественный монарх Азии оставался неуязвим благодаря ослиному реву!

Пока в глубинах Скифии происходили эти события, кочевники отправили конный отряд на берега Дуная, чтобы убедиться, смогут ли они тем или иным способом завладеть мостом персов. Там скифы узнали, какие распоряжения отдал Дарий ионийцам, оставленным для охраны моста. Кочевники сказали ионийцам, что, если те будут руководствоваться исключительно этими распоряжениями и через два месяца разберут мост и отправятся на кораблях вниз по реке, их оставят в покое. Ионийцы согласились на это. Срок ожидания истекал, и они обещали уйти, как только он закончится.

Разведчики отправили предводителям скифов послание с информацией об обстановке, и те решили изменить тактику. Вместо набегов и лишения персов средств обеспечения, дабы вынудить их к поспешному бегству, кочевники старались создать противнику более благоприятные условия, обнадежить его, расположить к продолжению похода. Скифы позволяли персам одерживать победы в незначительных стычках, захватывать время от времени гурты скота для пропитания. Эти перемены обрадовали персов, им казалось, что развитие событий складывается в их пользу.

На этом этапе в лагере персов появился однажды гонец от скифов, сказавший, что привез Дарию подарки от своего предводителя. Гонца допустили к царю и позволили передать дары. Это были птица, мышь, лягушка и пять стрел. У гонца спросили, что означают эти странные подношения. Тот ответил, что не может дать никаких пояснений, персы сами должны догадаться о значении даров, полагаясь на свою смекалку.

Когда гонец удалился, Дарий спросил советников, что могло означать столь странное послание. Дарий предположил, что подаренная живность могла означать три природные стихии, к которым она принадлежала, то есть земля, воздух и вода, а стрелы

дарились в знак покорности. Все дары в целом, видимо, означали, по его мнению, что скифы готовы сдаться и признать власть над собой персов.

Советники, однако, не были склонны согласиться с этим выводом. Они сказали, что не видят признаков, указывающих на готовность скифов капитулировать. По их мнению, послание можно толковать и как выражение покорности и примирения, и как шантаж и угрозу в адрес его получателя. «Оно может означать, – сказал один из советников, – что, пока вы не улетите, как птица в небе, или не скроетесь, как мышь в земле, или не схоронитесь, как лягушка в иле, вам не избежать наших стрел».

Трудно предположить, какое из двух взаимоисключающих толкований было правильным, но вскоре выяснилось, что Дарий ошибся. Спустя какое-то время после передачи даров скифы стали строиться в боевые порядки, как бы готовясь к сражению. Два месяца прошли, и предводители скифов имели основания считать, что ионийцы, охранявшие мост, возвращаются домой, как и обещали. Дарий был столь удручен набегами кочевников, многочисленными лишениями и бедами своей армии, что испытывал некоторые сомнения относительно исхода сражения теперь, когда оно приближалось. Между тем подобной пробы сил он добивался с самого начала похода.

Войска противоборствующих сторон расположились недалеко друг от друга на равнине, отчасти поросшей лесом. Оставаясь на этих позициях, наблюдатели из лагеря Дария еще до начала каких-либо боевых действий заметили, что в стане скифов неожиданно поднялась суматоха. Отдельные группы воинов с криками носились вдоль боевых порядков и по равнине, однако в их голосах слышались не гнев или страх, а скорее ликование и радость. Дарий поинтересовался причиной подобного возбуждения. Выслали разведку, и когда она возвратилась, то выяснилось, что скифы охотились за зайцем, который неожиданно появился среди них. Заяц выскочил из зарослей, и значительная часть кочевников и их командиров покинули боевые ряды, чтобы позабавиться охотой. Они с азартом гонялись за зверьком по равнине, оглашая окрестности возбужденными возгласами.

– Они нас действительно ни во что не ставят, – сказал Дарий, – если накануне сражения забывают о нас и опасности, бросают позиции, чтобы охотиться за зайцем!

Вечером состоялся военный совет. Его участники решили, что противник выглядит достаточно сильным и уверенным в своих силах. В такой обстановке решающее сражение не может гарантировать успех, а потому лучший выход из ситуации – отказаться от намерения завоевать страну и вернуться домой. В связи с этим

Дарий распорядился готовиться тайком к отступлению.

Царь отделил от армии наименее боеспособные войска и сообщил им, что собирается ночью совершить основными силами рейд в тыл противника, а во время его отсутствия им следует охранять лагерь. Он приказал воинам разжечь в лагере больше, чем обычно, костров и связать ослов таким способом, чтобы они беспрерывно ревели. Этот рев, раздающийся всю ночь, и свет от костров должны были заставить скифов поверить, что основные силы персов остаются в лагере.

К полуночи наиболее боеспособные войска Дария начали отступление в полном молчании и скрытности, оставив на милость врага потрепанные части. Длинная колонна войск благополучно совершила отходной маневр, не вызвав подозрений в стане скифов.

Отступавшие персы выбрали наиболее короткий маршрут, ведущий прямо к реке.

Когда на следующее утро оставленные в лагере персов войска обнаружили, что они обмануты и покинуты, ими был дан сигнал скифам приблизиться, и, после того как те подошли, немощные защитники лагеря сдались кочевникам. Затем скифы, оставив в лагере охрану, начали преследовать отступавших персов. Однако, вместо того чтобы гнаться за уходящими войсками, кочевники пошли по еще более короткому пути к реке, чтобы прийти к ней раньше противника. Персы, плохо зная местность, застряли в топях, болотах и прочих препятствиях. В результате они задержались настолько, что скифы вышли к реке гораздо раньше.

Они обнаружили ионийцев все еще на месте, хотя двухмесячный срок полностью вышел. Возможно, их предводители получили от Дария секретный приказ не спешить с отходом даже после того, как все узлы на тесьме будут развязаны, а может быть, они наметили свой график ожидания возвращения государя. Скифы немедленно потребовали от ионийцев покинуть их страну. «Время вышло, – напомнили они, – и вы больше не связаны обязательством ждать. Возвращайтесь домой и отстаивайте собственную свободу и независимость, что вы сделаете с большим успехом, если Дарий со своей армией останется здесь».

Ионийцы посовещались и решили не уступать требованиям скифов, не демонстрируя этого явно, поскольку не хотели подвергнуться нападению кочевников. Они начали разбирать мост, начав с берега, на котором находились скифы. Кочевники, видя, что работы по разборке моста ведутся, оставили берег и направились перехватить персов. К счастью для Дария, войска противоборствующих сторон разминулись, и персы благополучно вышли к реке. Они прибыли к мосту ночью, а передовые дозоры, не

увидев кораблей с одной стороны, предположили, что ионийцы ушли. Они долго и громко кричали на берегу, пока, наконец, египтянин, славившийся сильным голосом, сумел докричаться до ионийцев. Корабли сразу же вернули на прежнее место, восстановив мост, и армия Дария перебралась на другой берег.

Форсировав Дунай, армия благополучно совершила обратный марш через Фракию, переправилась через Босфор и вернулась в Азию, завершив великий поход против скифов.

Глава 10

История с Гистием

Суть правления и характер решений, к которым прибегали в древности такие деспоты, как Дарий, для достижения своих политических целей, красноречиво отражает история с Гистием.

Гистий был именно тем предводителем ионийцев, который нес ответственность за сохранность моста через Дунай, пока Дарий совершал поход в Скифию. Когда после провала похода Дарий вернулся к реке, зная, что двухмесячный срок вышел, его, естественно, крайне волновало, не будет ли разобран мост и не ушли ли корабли, без которых обстановка станет критической для его армии, зажатой между скифами и рекой. Беспокойство царя перешло в ужас, когда его передовой дозор прибыл на берег реки и не обнаружил никаких признаков моста. Легко представить, какие облегчение и радость испытали монарх и армия, когда услышали в ответ на свой зов из темноты ночи отклик друзей.

Хотя Дарий не руководствовался твердыми принципами справедливости и благородства, ему не были чужды порывы великодушия. Царь объявил, что благодарен Гистию за верность и, как только армия благополучно вернется в Азию, обсудит с ним, какая награда соразмерна монаршей благодарности.

По возвращении из Скифии Дарий переправил армию через Дунай, покинув страну скифов, однако на Босфоре на азиатский берег была переправлена лишь часть армии персов. Царь оставил на европейском берегу во Фракии значительные силы под командованием одного из своих военачальников по имени Мегабиз, велел ему править твердой рукой на этой территории и подчинить своей власти соседние территории. Затем Дарий отправился в Сарды, наиболее крупный и богатый город в этой части его империи. В Сардах, когда царь почувствовал себя дома, он послал за Гистием и другими участниками похода, достойными вознаграждения, чтобы обсудить с ними вопрос о наградах. Дарий спросил предводителя ионийцев, что тот желал бы получить в награду.

Гистий сказал, что полностью удовлетворен своим положением губернатора ионийского города Милет, расположенного к югу от Сард на берегу Эгейского моря. Он был бы счастлив, если бы государь выделил ему небольшую территорию во Фракии или на границе между Фракией и Македонией близ устья реки Стримон. Гистий планировал построить там город. Царь немедленно удо-

влетворил его просьбу, выглядевшую вполне умеренной и разумной. Между тем он не учел, что эта территория, входящая во Фракию или расположенная в непосредственной близости от нее, попадала под юрисдикцию Мегабиза, оставленного местным военачальником, и дар царя мог стать причиной конфликта между двумя сановниками. Опасность вражды между ними была тем более велика, что Мегабиз был персом, а Гистией – греком.

Гистий основал на новом месте колонию и, проводя часть времени в Милете, переезжал затем на жалованную ему территорию на побережье Эгейского моря, где начал строить город. Поскольку эта местность находилась за пределами Фракии и на значительном расстоянии от резиденции Мегабиза, действия Гистия долгое время не привлекали внимания персидского военачальника, но неординарные обстоятельства заставили его проявить интерес к ним. Обстоятельства состояли в следующем.

Долину реки Стримон населяла народность по имени пеоны. Река брала начало во внутренних районах страны и впадала в море в том месте, где Гистий строил город. Среди вождей пеонов были двое, стремившихся добиться власти в стране, но недостаточно сильных, чтобы осуществить свое желание. Чтобы ослабить противостоящую им силу, вожди задумали передать свое племя под власть Дария. В случае успеха их замысла значительная часть населения страны вышла бы из подчинения местной власти, а над оставшейся частью, как им казалось, они легко установили бы свое правление. Чтобы привлечь внимание Дария и заставить его действовать в соответствии с их замыслами, вожди прибегли к хитрости. В их намерения входило побудить Дария совершить поход против соплеменников, показав царю, каких великолепных и ценных рабов он приобрел бы.

Двое вождей были братьями и имели сестру. Она отличалась стройностью, изяществом и красивой внешностью. Братья взяли сестру с собой в Сарды, где в это время пребывал Дарий. Девушку тщательно одели и украсили, но таким образом, чтобы она выглядела служанкой. Однажды, когда царь восседал на публичном мероприятии в городе, что было свойственно восточным самодержцам, братья послали сестру пройти перед Дарием, делая вид, что она выполняет обязанности служанки. Девушка прошла, неся на голове кувшин для воды и ведя коня за повод, перекинутый через плечо, и поскольку ее руки при этом оставались свободными, то она еще и прядла на ходу.

Сцена немедленно привлекла внимание Дария. Красота девушки, новизна и необычность ее облачения, разнообразие ее занятий возбудили любопытство царя. Он послал одного из слуг проследить, куда идет незнакомка. Слуга последовал за ней. Девушка

шла к реке. Она помыла коня, наполнила водой кувшин и поставила его на голову, затем перекинула повод через плечо, пошла в обратный путь по тем же улицам, следуя мимо царского дворца и прядя на ходу, как и прежде, пряжу.

Возвращение девушки и доклад слуги усилили интерес к ней Дария. Он велел остановить незнакомку и привести ее к нему. За сестрой последовали два брата, которые наблюдали за ней из укромного места. Царь поинтересовался, откуда они. Те сообщили, что происходят из пеонов. На вопрос, где они проживают, братья назвали берега реки Стримон. Дарий любопытствовал также, все ли женщины в их стране так трудолюбивы, ловки, проворны и красивы, как их сестра. Братья ответили утвердительно.

Дарий немедленно распорядился обратить всю эту народность в своих рабов. Туда был направлен курьер с царским указом. Курьер пересек Геллеспонт и направился в лагерь военачальника Мегабиза во Фракии. Он передал военачальнику указания немедленно двинуться в Пеонию, взять всю населяющую ее общину в плен и привести к Дарию в Сарды. До этого времени Мегабиз ничего не знал о народе, который ему было приказано пленить. Однако он нашел нескольких проводников, согласившихся провести персов на территорию проживания этого народа, и во главе небольшой армии выступил в поход. Узнав об этом, некоторые пеонийцы решили защищаться, другие бежали в горы. Беглецы избежали неволи, а те, кто отважился сопротивляться, попали в плен. Мегабиз собрал вместе несчастных пленников, их жен и детей и погнал их вдоль побережья в Сарды. По пути ему попалось место, где Гистиэй строил свой город, и он впервые познакомился, таким образом, с планом города. Гистиэй сооружал стены для защиты своей маленькой территории с суши. Корабли и галеры доставляли по морю грузы. Все свидетельствовало о том, что работы продвигались быстро и споро.

Мегабиз не стал мешать работам, но, как только прибыл с колонной пленников в Сарды, сообщил царю о строительстве Гистиэем города и высказал мнение, что это может представлять угрозу интересам персов. «Он построит здесь сильную крепость, – докладывал Мегабиз, – и с ее помощью сможет контролировать соседнюю местность. Город может стать также мощной морской крепостью, поскольку его окрестности изобилуют лесами, пригодными для строительства и оснастки кораблей. В ближайших горах имеются серебряные рудники. Благодаря всему этому Гистиэй в короткое время настолько усилится, что, когда вы вернетесь в Сузы, поднимет мятеж против вас и, возможно, вовлечет в него всех греков Малой Азии».

Царь сказал, что сожалеет о сделанном Гистиею подарке, и выразил желание немедленно вернуть себе пожалованную территорию.

Мегабиз посоветовал Дарию придумать какой-нибудь способ сорвать предприятие Гистиея, не провоцируя подозрения и недовольство грека.

В связи с этим Дарий пригласил Гистиея к себе в Сарды, сообщив, что хочет воспользоваться услугами грека в крайне важном деле. Гистией, конечно, откликнулся на приглашение с большим энтузиазмом. Когда грек прибыл в Сарды, Дарий приветливо встретил его и сказал, что постоянно нуждается в его присутствии и советах. Он отметил, что высоко ценит службу столь верного друга, а также проницательного и надежного советника. Царь сказал, что отбывает в Сузы и хочет, чтобы Гистией сопровождал его в качестве доверенного лица и ближайшего друга. Дарий добавил, что греку необходимо оставить свой пост губернатора Милета, а также строительство нового города во Фракии, за это он получит в Сузах высокое положение и почести. Он поселится в апартаментах царского дворца и будет жить в роскоши.

Гистией был крайне разочарован и опечален таким оборотом дела. Однако ему пришлось скрыть свое недовольство и подчиниться судьбе. Через несколько дней он отбыл вместе со свитой Дария в столицу Персидской империи, оставив вместо себя на посту губернатора Милета своего племянника по имени Аристагор. Со своей стороны Дарий передал власть на всем побережье Малой Азии одному из своих военачальников – Артаферну. Тот сделал Сарды своей столицей. Артаферн не только правил на всем побережье, но также получил под свой контроль все корабли, галеры, морские сооружения, принадлежавшие Дарию в соседних морях. Губернатор Милета Аристагор попал в подчинение новому военачальнику. Грек Аристагор и перс Артаферн, однако, оставались прекрасными друзьями.

Среди греческих островов, расположенных в Эгейском море, был стратегически важный, богатый и хорошо укрепленный остров под названием Наксос. Он находился в южной части моря, примерно на полпути между Малой Азией и Грецией. Вышло так, что вскоре после отъезда Дария в Персию на острове произошло народное восстание против знати. Восставшие одолели сановников, и те бежали с острова. Часть из них прибыли в Милет и попросили Аристагора помочь им вернуть власть на острове.

Аристагор сказал, что был бы рад помочь, если бы располагал достаточными возможностями, но вооруженные силы на всем побережье, как армия, так и флот, находились под командованием Артаферна из Сард. Он добавил, что поддерживает хорошие

отношения с Артаферном и если сановники Наксоса пожелают, то он мог бы обратиться к персидскому военачальнику за помощью. Знатные люди Наксоса выразили большую признательность Аристагору за участие в их делах и сказали, что во всем полагаются на его волю.

Однако Аристагор вряд ли заслуживал благодарности, поскольку его предложение помощи было отнюдь не бескорыстно. Выслушав беглецов, он быстро сообразил, что представляется удобный случай распространить свою власть как на Наксос, так и соседние острова. Подчинять людей всегда удобно, когда они ослаблены и беззащитны из-за своих распрей. Это средство столь же древнее, как история человечества, к нему и сегодня прибегают довольно часто, поскольку амбициозные соседи поддерживают обычно слабую сторону в гражданской войне в стране, которой они хотят владеть, и, начиная войну против части страны, они подчиняют ее целиком. Таков был и план Аристагора. Он ознакомил с ним Артаферна, убеждая его, что возник весьма благоприятный случай для подчинения Персидской империи греческих островов Эгейского моря. Он доказывал, что если овладеть Наксосом, то такая же судьба постигнет и острова вокруг него. Для их завоевания, по расчетам губернатора Милета, понадобится 100 кораблей.

Артаферн согласился с ним и пообещал задействовать для предприятия 200, а не 100 галер. Но сначала он решил посоветоваться с Дарием, поскольку предстояло дело большой важности, и, кроме того, захват островов вряд ли следовало начинать до весны. Военачальник немедленно отправил гонца к Дарию, чтобы заручиться согласием царя на предстоящую операцию, и, не сомневаясь, что монарх одобрит замысел, приступил к подготовке.

Артаферн не ошибся в своих ожиданиях. Гонец вернулся из Суз с повелением царя, наделяющим военачальника всеми полномочиями для реализации плана захвата островов. К предстоящему походу были построены корабли, приняты все необходимые меры. Подготовка к войне держалась в строжайшем секрете, поскольку завоеватели решили захватить островитян врасплох. Возглавить силы вторжения должен был Аристагор, командовать флотом Артаферн поручил персидскому военачальнику Мегабату. Таким образом, у завоевателей было сразу два главнокомандующих – обстоятельство, которое почти всегда приводит к ссорам. Не зря существует изречение: один плохой военачальник лучше, чем два хороших.

Военный поход начался из Милета, а чтобы не возбуждать у жителей Наксоса опасений, распространялись слухи, что целью похода был Геллеспонт. Корабли с войсками, выйдя в море, по-

вернули на север, как бы держа курс на Геллеспонт. Замысел состоял в том, чтобы сделать остановку, пройдя небольшое расстояние, а затем, воспользовавшись северным ветром, сменить курс на Наксос и достичь его, прежде чем население сможет подготовиться к обороне. В связи с этим, когда корабли достигли острова Хиос, они все стали возле него на якорь. Флоту приказали быть в готовности по сигналу сняться с якоря. Командование ожидало теперь только попутного ветра.

Делая обход кораблей в этих условиях, Мегабат обнаружил, что один из них пуст. Капитан и команда высадились на берег. Видимо, они не знали, насколько важно было их постоянное присутствие на корабле. Капитан галеры был родом из небольшого городка Книд и, как оказалось, был ближайшим другом Аристагора. Звали его Сиклакс. Командующий флотом Мегабат был крайне разгневан подобным разгильдяйством подчиненного. Он послал за капитаном судна стражников и, когда Сиклакса доставили на корабль, велел просунуть голову капитана в узкое бортовое отверстие для весел и привязать разгильдяя в таком положении, чтобы его лицо было выставлено на обозрение всему флоту, в то время как тело оставалось внутри судна. «Я намерен держать его в таком положении, – сказал Мегабат, – чтобы каждый видел, что он при исполнении обязанностей».

Аристагор был крайне удручен видом своего друга, подвергшегося такому суровому и позорному наказанию. Он попросил Мегабата освободить провинившегося капитана, предоставив убедительные, с его точки зрения, оправдания ухода Сиклакса с корабля. Мегабата доводы ходатая не убедили, и он отказался освободить капитана. Тогда Аристагор заявил, что Мегабат превысил свои полномочия, считая себя командующим экспедицией и тираня людей по своему усмотрению. «Я докажу тебе, что именно я являюсь командующим в походе, а тебе Артаферн поручил командовать флотом вовсе не для того, чтобы ты стал выше меня». С этими словами Аристагор в ярости оставил Мегабата и освободил Сиклакса.

Теперь настала очередь Мегабата прийти в ярость. Он задумал погубить экспедицию. Мегабат послал тайком к островитянам гонца с предупреждением о приближении флота противника. Жители Наксоса немедленно приготовились к обороне. В результате, когда флот подошел к острову, его защитники оказались в полной боевой готовности. Четыре месяца Аристагор пытался захватить Наксос, и все это время Мегабат не упускал случая сорвать любые военные хитрости главнокомандующего. Тому ничего не удалось сделать. Наконец, когда бессмысленность осады острова стала очевидной, Аристагор вернулся домой. Он был

разочарован и удручен. Рухнули все его надежды, финансы были расстроены непомерными расходами.

Аристагор сердился на себя, Мегабата и Артаферна. Он полагал, что Мегабат развенчает его в глазах Артаферна и тот в послании Дарию назовет грека причиной провала похода. Тогда в любой момент может поступить распоряжение обезглавить Аристагора. Губернатор Милета стал замышлять с этих пор мятеж против персов в союзе с греками. Риск от подобных замыслов, считал он, был гораздо меньшим, чем попытка оставить все как есть. Пока Аристагор прикидывал шансы, он неожиданно нашел выход в обстоятельстве, для разъяснения которого необходимо вернуться на некоторое время к рассказу о пребывании Гистиэя в Сузах.

Гистиэй болезненно переживал свое вынужденное возвышение и роскошную жизнь в Сузах. Да, он получил высокое положение и комфорт, но его устремлениям больше отвечали власть и независимость. Вот почему все его помыслы были направлены на возвращение к прежней сфере деятельности и власти в Малой Азии. Обдумав все варианты действий, он решил подстрекнуть Аристагора на мятеж в Ионии, а затем уговорить Дария послать его на подавление мятежа. Попав в Малую Азию, он присоединится к мятежу и бросит вызов Дарию.

Во-первых, следовало придумать безопасный тайный способ сообщаться с Аристагором. Он сделал это так: при царском дворе находился человек, страдающий глазной болезнью. Гистиэй сказал, что если тот послужит ему, то он излечит его от болезни. Необходимо, пояснил Гистиэй собеседнику, чтобы тот обрил голову для нанесения на ней порезов острым инструментом, промытым в медицинском растворе. Затем после дальнейших процедур пациенту следует съездить в Ионию, что находится в Малой Азии, где живет лекарь, который завершит лечение.

Собеседник согласился. Он обрил голову, и Гистиэй, делая вид, что наносит надрезы в лечебных целях, написал на коже головы посредством иглы и специальных чернил, не рассчитанных, видимо, на лечебный эффект, – подобно тому как делают матросы татуировки на руках – послание к Аристагору. В нем он ознакомил племянника с подробностями своего плана. Гистиэй предлагал Аристагору восстать и обещал, что если он сделает это, то его дядя прибудет в Ионию под предлогом необходимости подавления восстания, а на самом деле присоединится к мятежу и поможет племяннику.

Закончив наколку вероломного послания на коже невольного курьера, Гистиэй аккуратно забинтовал его голову, как он объяснил, во избежание повреждений. Он держал курьера взаперти во дворце, пока не отрастут его волосы, чтобы скрыть послание,

затем отправил его в Ионию для завершения лечения. По прибытии в Ионию ему следовало найти Аристагора, который обеспечит все, что необходимо для излечения от болезни. Гистий решил одновременно послать к Аристагору другого гонца, чтобы сообщить племяннику о необходимости обрить голову курьера, как только тот предстанет перед ним. Таким образом, послание было передано по назначению.

Когда Аристагор получил послание, он уже почти решился на мятеж. Послание дяди побудило его ускорить подготовку к восстанию. Как только весть о мятеже достигла Суз, Гистий разыграл искреннее возмущение и попросил Дария командировать его в Малую Азию для подавления восстания. Сначала Дарий подозревал, что Гистий в той или иной степени причастен к мятежу, но негодование грека переубедило царя. В конце концов он позволил греку съездить в Милет, повелев, однако, чтобы он вернулся в Сузы после подавления восстания.

Прибыв в Ионию, Гистий присоединился к мятежу Аристагора. Оба сановника, объединившись с различными греческими предводителями и царствами, создали обширную и опасную мятежную зону, умиротворение которой требовало от Дария больших усилий. Мы не собираемся здесь подробно рассказывать об этой войне. Некоторое время мятежникам сопутствовала удача, однако, в конце концов, положение их ухудшилось. Персы захватили их города, уничтожили их корабли, рассеяли их армии. Гистий скрывался в разных местах страны в качестве несчастного беженца, его отчаяние усиливалось каждый день. Однажды, убегая с места вооруженной стычки от перса, занесшего над ним меч, грек схватил персидского воина за руку и прокричал, что он Гистий из Милета. Услышав это, перс пощадил беглеца, но взял его в плен и доставил к Артаферну. Гистий отчаянно упрашивал Артаферна отослать его живым к Дарию в надежде, что царь помилует его за услуги, оказанные на Дунае. Этого-то как раз и не хотел Артаферн. Он распял несчастного Гистия на кресте в Сардах, а затем отослал его голову Дарию, поместив ее в сосуд с солью.

Глава 11

Вторжение в Грецию и марафонская битва

В биографии великих завоевателей важное место занимает одно из сражений, которое превосходит все другие по значимости и известности. В случае с Ганнибалом это битва при Каннах, Александр Македонский прославился битвой при Арбеле. Для Цезаря главным сражением была битва при Фарсалии, для Наполеона – Ватерлоо. В определенной степени Ватерлоо для Дария стала Марафонская битва. Место битвы представляло собой прекрасную равнину в 12 милях к северу от греческой столицы – Афин. Битва явилась финалом великого противоборства между Дарием и греками.

Расширение Персидской империи со времени восшествия на престол Кира происходило на запад, пока не уперлось в границы Азии на берегах Эгейского моря. Берега и острова этого моря были заняты греческими городами и царствами. Население региона, проживавшее на европейском и азиатском берегах, говорило на одном языке и отличалось энергией, интеллектом и высокой духовностью. Греков азиатского берега покорил Кир, их царства были присоединены к Персидской империи. С начала своего правления Дарий жаждал продолжить аннексию и послал группу разведчиков к берегам Греции. Однако он отложил осуществление своих планов, решив сначала завоевать Скифию, расположенную к северу от Греции, вероятно полагая, что потом будет легче завоевать саму Грецию. Прочно обосновавшись в Скифии, он охватил бы с фланга территорию Греции, что обеспечило бы его армии успех.

Этот замысел провалился. Тем не менее, после отступления из Скифии Дарий не переправил все свои войска с европейского на азиатский берег Босфора. Он оставил во Фракии крупные силы, и его военачальники постепенно закрепились на этой территории и готовились к новым завоеваниям. Они стремились расширить свои владения то путем переговоров, то силой и добивались успехов или терпели поражения, прибегая к тому или иному способу.

В одном весьма неординарном предании рассказывается о попытке переговоров с Македонией на предмет возможного подчинения этого царства персам без применения силы. Верховный военачальник армий Дария во Фракии, которого, как мы знаем из предыдущей главы, звали Мегабиз, послал в Македонию семь

персидских воинов, но не за тем, чтобы призвать македонцев к безоговорочной капитуляции персам, и не за тем, чтобы предложить добровольный союз с Персидской империей, а за тем, чтобы навязать им нечто среднее. Это среднее следовало предъявить македонцам в форме предложения, но столь навязчивым и безапелляционным способом, который нередко использует могущественный тиран, делая предложение слабому и беззащитному государю.

Семь персидских воинов отправились в Македонию, которая, судя по карте, располагалась к западу от Фракии и к северу от других греческих государств. Македонский царь Аминтас оказал им почетный прием. Однажды днем персов пригласили на праздник во дворец Аминтаса. Отчасти разгоряченные вином, они пригласили придворных дам в свои апартаменты. По словам персов, они хотели познакомиться с женщинами.

Аминтас заметил, что это противоречит обычаям и правилам его двора, но, поскольку царь несколько опасался гостей или, точнее, мощи грозной державы, которую они представляли, и стремился любым способом избежать провоцирования ссоры с ними, он согласился с их просьбой. Дамы отправились к персам, пошли неохотно, смущенные.

Персы, становясь под воздействием вина все более возбужденными и назойливыми, вскоре стали в непристойной и развязной манере расхваливать женские достоинства приходивших к ним дам, повергая тех в смятение. Затем они принялись приставать к женщинам так нагло и вести себя с ними во всех отношениях столь непристойно, что вызвали тревогу и возмущение всего царского двора. Царь тоже был весьма удручен поведением гостей, но боялся урезонить их. Сын царя, энергичный и решительный молодой человек, явился к отцу в крайнем возбуждении и попросил его удалиться с праздника, предложив взять ответственность на себя. Аминтас с большим трудом дал себя уговорить и, уходя, предупредил сына, чтобы тот избегал опрометчивых действий и насилия. Как только царь ушел, царевич придумал предлог, при помощи которого вызвал дам из апартаментов персов на короткое время, пообещав, что они скоро вернутся. Он отвел женщин в их апартаменты, а затем выбрал столько же высоких и привлекательных юношей, переодев их в женские платья. Каждому юноше был дан кинжал, который следовало спрятать под одеждой. Эти мнимые дамы пришли к персам, которые не заметили подмены. К вечеру они совсем опьянели. Как и прежде, персы стали приставать к дамам, на этот раз мнимым. Когда персы распоясались до предела, юноши по знаку царевича закололи их кинжалами на месте всех до одного.

Мегабиз послал гонца справиться о том, куда пропали семь его воинов. Однако македонский царевич ухитрился подкупить гонца щедрыми дарами и уговорить его передать Мегабизу ложную, но не вызывающую беспокойства весть о семерых воинах. Возможно, Мегабиз не был столь легковерным, если бы его внимание не отвлекал мятеж в Ионии, поднятый Аристагором и Гистием.

Ионийский мятеж отсрочил на некоторое время осуществление планов Дария по завоеванию Греции, но эта отсрочка способствовала в конечном счете тому, что вторжение на землю Эллады стало неизбежным, поскольку Афины – в то время один из главных и могущественных греческих городов – были причастны к мятежу. Афиняне направили в помощь Аристагору и Гистиею войска, и объединенными силами греки взяли штурмом и сожгли город Сарды. Когда об этом узнал Дарий, его обуял гнев, ведь афиняне осмелились вторгнуться в его владения, помогли мятежникам и разорили один из его самых крупных городов. Дарий, как утверждают, велел каждый день вызывать к себе раба, который провозглашал: «Помни об афинянах!»

Дарию благоприятствовало то обстоятельство, что среди греческих государств не было единства, не было единого командования вооруженными силами этих государств на суше и на море. С другой стороны, несколько городов с прилегающей территорией формировали множество отдельных государств, более или менее связанных в конфедерации или союзы, но остающихся независимыми и даже враждебными друг к другу. Далее, помимо споров между государствами, существовали противоречия в них самих. В них происходило противоборство за преобладание монархических или демократических принципов государственного устройства. В разных городах приходили к власти деспотические военные правители, и, после того как они правили некоторое время своими подданными железной рукой, народ восставал и свергал их с тронов. Такие восстания происходили постоянно, часто в сопровождении удивительных и романтических поступков, которые обнаруживали в тех, кто их совершал, поразительное сочетание сообразительности и проницательности с наивностью и безрассудством, столь характерными для того времени.

Неудивительно, что греческое население часто восставало против этих деспотов. Подобные правители использовали свою власть, когда к этому побуждали их интересы и страсти, в крайне тиранической и жестокой форме. Говорят, один из них, царь Коринфа по имени Периандер, послал по одному поводу гонца в соседнее царство, с которым он постепенно наладил дружественные отношения, дабы выяснить, какими средствами он мог бы упрочить свое правление. Соседний царь не дал прямого ответа

на вопрос, но повел гонца в свой сад, разговаривая с ним о том о сем. Наконец они вышли к пшеничному полю, и, проходя через него, царь стал отсекал мечом колосья пшеницы, возвышавшиеся над остальными. Через некоторое время он вернулся во дворец и отпустил гонца, так и не сказав, что делать Периандеру. Гонец вернулся к своему государю и рассказал обо всем, что с ним случилось. «Понимаю, в чем дело, – сказал Периандер. – Нужно изобрести способ ликвидировать тех, кто возвышается над горожанами благодаря своим талантам, влиянию или власти». Он немедленно приступил к действиям в соответствии с этой рекомендацией. Кто бы из жителей Коринфа ни отличился, его ждала смерть. Многие были изгнаны, другие убиты, третьи лишены своего влияния путем конфискации их имущества. Жизнь и судьба горожан целиком находились во власти деспота.

У этого самого Периандера была жена по имени Мелисса. О ней рассказывают весьма необычную историю, которая, хотя и похожа на легенду, несомненно, имеет реальную основу. Когда Мелисса умерла, ее похоронили, но по какой-то причине забыли сжечь, как требовал обычай, одежду. Среди оракулов Греции был и такой, с которым можно было посоветоваться относительно отошедших душ. Его называли оракулом мертвых. Периандеру, разыскивавшему потерянную драгоценность, случилось однажды послать гонца к оракулу, чтобы вызвать дух Мелиссы и спросить у него о пропаже. Дух явился, но отказался сказать, где утерянная вещь, произнеся: «Мне холодно, холодно. Я раздет, и мне холодно. Мою одежду не сожгли. Я раздет, и мне холодно».

Когда об этом сообщили Периандеру, он решил принести разобиженному духу большую жертву, которая могла бы его умиротворить. Он пригласил в храм на театральное представление женщин Коринфа, и, когда те собрались, стражники окружили женщин, сорвали с них большую часть облачений и отпустили. Затем снятую одежду сожгли в качестве искупительного подношения в сопровождении заклинаний, обращенных к тени Мелиссы.

Предание добавляет, что, когда к оракулу мертвых снова был отправлен гонец, дух Мелиссы, теперь одетый и умиротворенный, ответил на просьбу Периандера сообщить, где следует искать утерянную драгоценность.

Грубое насилие, к которому прибег в данном случае Периандер, было продиктовано отнюдь не желанием оскорбить и унижить женщин Коринфа; этот случай показывает, до какой крайности абсолютного своеволия доходила верховная власть древних деспотов.

Однако следует отдать справедливость этим своевольным тиранам. Они нередко проявляли сочувствие и доброту, причем иногда в довольно своеобразной форме. Например, в одном из городов возвысилась семья и прочно заняла место городской аристократии, стараясь поддерживать свой статус из поколения в поколение, заключая брак только в семейном кругу. В конце концов в одной из этих семей выросла девушка по имени Лабда, инвалид с рождения, и по причине ее дефектов ни один из знатных мужчин не хотел на ней жениться. Однако девушку взял в жены обычный человек по имени Этион. Однажды Этион сходил в Дельфы посоветоваться с оракулом. Когда он входил в храм, его подозвала пифия и сообщила, что Лабда родит ребенка, который освободит страну от тиранов и узурпаторов. Аристократы, узнав об этом, решили предотвратить осуществление пророчества, уничтожив младенца после рождения. Они выбрали десять человек из своего круга, которым было поручено прийти в дом Этиона и убить младенца. Заговорщики решили убить его следующим способом: придя в дом, они попросят показать им младенца, затем тот, кому будет передан младенец, бросит его с размаху на каменный пол, и ребенок умрет.

Заговорщики пришли в дом Этиона, лицемерно справились о здоровье матери и пожелали увидеть младенца. Его принесли к ним. Мать вручила свое чадо одному из заговорщиков, младенец с улыбкой смотрел ему в лицо. Тот пожалел младенца и передал его в руки соседа, тот, в свою очередь, другому и т. д. Ни один из них не решился убить младенца, они вернули его матери и ушли.

Далее, как свидетельствует предание, заговорщики, дойдя до ворот, остановились и стали осыпать друг друга упреками. Они вернулись в дом с намерением любым путем осуществить задуманное. Но тем временем Лабду встревожило необычное поведение гостей, она подслушала их разговор у ворот. Женщина поспешно спрятала дитя в амбарном зерне. Заговорщики, обыскав дом и не найдя младенца, прекратили поиски, полагая, что его унесли из дома. Они вернулись домой и, не решившись признать, что младенец уничтожен. Младенец, однако, остался в живых. Он вырос и во исполнение предсказания оракула возглавил восстание против аристократии, лишил ее власти и стал править вместо нее.

Одним из самых одиозных и жестоких тиранов, о которых шла речь, был Гиппий из Афин. Его отца, Писистрата, ненавидели за жестокость и преступления. Когда он умер, оставив после себя двух сыновей, Гиппия и Гиппарха, был организован заговор с целью их убийства и прекращения династии. Гиппарха убили, но

Гиппий избежал гибели и стал править единолично, причем жестоко и деспотично, отчасти поддавшись чувству мести, а отчасти потому, что считал устрашение людей средством сохранения своей власти. Один из заговорщиков, который убил брата Гиппия, обвинил ближайших друзей тирана в том, что они помогали ему в убийстве, стремясь отомстить тирану. Гиппий, услышав обвинения, обезумел. Он предал смерти всех, кого назвал заговорщик, приспешники его убивали правых и виноватых скопом. Столь неразборчивая жестокость объединила против тирана всех афинян, началось всеобщее восстание, и он был свергнут. Гиппий бежал в Сарды и там оказывал услуги Артаферну. Он вызвался стать проводником персидских войск в Греции и помочь им завоевать страну при условии, что в случае успеха персы сделают его губернатором Афин. Артаферн сообщил об этом предложении Дарию, и оно было с удовлетворением принято.

Кроме внутренних противоречий между народами и правителями нескольких греческих государств, существовало соперничество между государствами, которым Дарий надеялся воспользоваться при завоевании страны. В частности, война между Афинами и островом Эгина могла бы облегчить Дарию захват Афин. Эгина был большим островом близ Афин с довольно значительным населением. Рассказывая о причинах конфликта между двумя государствами, греческие историки приводят следующую поразительную историю.

Эгина располагается в центре залива к юго-западу от Афин. На другой стороне залива, напротив Афин, у самого берега находился город, называвшийся Эпидавр. Одно время эпидавряне переживали голод и обратились к дельфийскому оракулу с просьбой подсказать, что надо делать для избавления от этого бедствия. Пифия ответила, что они должны воздвигнуть две статуи богам по имени Дамия и Оксезия – и тогда голод отступит. Жители спросили, из чего должны быть сделаны статуи – из бронзы или мрамора. Жрица ответила, что статуи нужно сделать из древесины садового оливкового дерева.

Этот вид олив считался священным деревом, но в то время в городе не было таких деревьев, подходящих размерами для статуй. Тогда эпидавряне обратились за помощью к Афинам и попросили разрешения спилить одно из деревьев в священной роще. Афиняне согласились при условии, что жители Эпидавра будут приносить ежегодные жертвы двум афинским храмам. Эти жертвы, по их мнению, компенсируют ущерб города из-за потери священного дерева. Эпидавряне согласились на это условие, дерево было спилено. Из него были сделаны блоки необходимого размера, которые перевезли в Эпидавр, где из них вырезали статуи.

Их торжественно водрузили в городе, и вскоре голод прекратился.

Через несколько лет после этого между Эпидавром и Эгиной вспыхнула по какой-то причине война. Островитяне пересекли на галерах залив, высадились в Эпидавре и после ряда грабежей захватили священные статуи и привезли их на остров в качестве трофеев. Они установили их в центре острова в месте собраний, устраивали рядом с ними спортивные игры и театральные представления, праздничные шествия. Эпидавряне, утратив свои статуи, прекратили делать ежегодные подношения Афинам. Когда афиняне потребовали подношений, эпидавряне сказали, что возобновят подношения только тогда, когда к ним вернутся статуи; сейчас обе святыни в чужих руках, и они свободны от своих обязательств. Афиняне потребовали статуи у островитян, те отказались их вернуть. После этого афиняне высадились на острове Эгина и направились к месту установки статуй. Святыни стояли на массивных тяжелых пьедесталах. Афиняне попытались взять статуи, но не могли их оторвать от пьедесталов, тогда они обвязали их веревками и потащили. В это время произошло землетрясение, сопровождавшееся грозным громовым предупреждением, что похитителей статуй ожидает гнев Неба.

Статуи тоже мистическим образом упали на колени и застыли в этих позах!

Напуганные этими знамениями, афиняне бросили свою затею и побежали к берегу. Их перехватили островитяне и союзники, срочно вызванные на помощь. Вся группа афинян была уничтожена, за исключением одного человека. Ему удалось бежать с острова.

Единственного беглеца ожидала судьба еще более трагичная, чем его товарищей. Когда он добрался до Афин, то его окружили жены и сестры убитых афинян, чтобы узнать о трагедии. Они были так возмущены его побегом, как будто он совершил измену или дезертирство. Судя по одной из версий, женщины набросились на беглеца и искололи его своими булавками и пряжками от платьев. От полученных ран беглец скончался.

Афинские судьи не смогли привлечь к ответственности за убийство ни одну из женщин, но был издан закон, навсегда запретивший употреблять афинским женщинам такие булавки и пряжки. А жители Эгины радовались и приветствовали поступок афинских женщин. В его честь они удвоили производство пряжек, которыми пользовались островитянки.

Начавшаяся таким образом между Афинами и Эгиной война длилась достаточно долго. Ожесточение сторон возрастало по мере увеличения потерь.

Таково было общее состояние дел в Греции, когда Дарий организовал великий поход с целью завоевания страны. Царь сосредоточил огромные силы, хотя сам и не стал ими командовать. Вести войско в поход было поручено персидскому военачальнику по имени Датис. Значительную часть его войск составляли персы, однако во все провинции Малой Азии были разосланы повеления мобилизовать в кавалерию, пехоту и во флот людей, которые должны были присоединиться к основным силам в различных пунктах сбора.

Войско Дария начало поход из Суз вместе с сосредоточенными там войсками. Оно проследовало на запад до побережья Средиземного моря в Киликии, северной точке побережья. Здесь к армии присоединились большие подкрепления. В данном месте сосредоточилось также много галер. Армию погрузили на корабли, направлявшиеся к южному побережью Малой Азии в Эгейском море, там флот повернул на север к острову Самос, где должны были сосредоточиться все войска. На Самосе к ним присоединились подкрепления из Ионии и других провинций и островов у побережья Малой Азии, находившихся под властью персов. Выйдя в море, огромный флот, возможно один из самых многочисленных и могучих флотов за всю историю, взял курс на северо-запад, лавируя среди островов Эгейского моря. Двигаясь медленно, персы овладевали островами, попадавшимися на пути. В ряде случаев островитяне сдавались без сопротивления. Иногда предпринимались энергичные, но тщетные попытки сопротивляться. Бывало и так, что островитяне покидали свои дома и в отчаянии укрывались в горах. Персы уничтожали города и селения, которые не могли покорить. Детей наиболее знатных и влиятельных семей покоренных островов брали в заложники, чтобы их родители признавали власть завоевателей и после того, как они покинут острова.

Могучий флот медленно продвигался от острова к острову к афинскому побережью. Из-за множества галер почти не было видно водной глади моря. Когда они двигались вперед, то, если смотреть на них с горных вершин островов, они казались огромным роем насекомых, почти неподвижных на зеркальной поверхности моря.

Наконец корабли персов, путь которым показывал Гиппий, вошли в пролив между островом Эвбея и материком к северу от Афин. Здесь, захватив остров, персы причалили к портовым сооружениям на противоположном афинском берегу и высадились на берег. Гиппий активно участвовал во всех операциях и помогал успешной высадке.

Между тем в Афинах сложилась тревожная обстановка. Власти, узнав о приближении персов, срочно направили гонцов в Спарту с просьбой о помощи. Обещания помощи были получены, но она еще не поступила. Афиняне собрали все свои силы на северной окраине города и бурно обсуждали вопрос о том, следует ли укрыться за стенами города и ожидать штурма врага или встретить его на марше. Силы, которыми располагали греки, насчитывали около 10 тысяч человек, в то время как огромное персидское войско состояло из 100 тысяч воинов. При таком подавляющем превосходстве в численности персидских войск открытый бой с ними казался безумием. Вот почему большинство участников дебатов высказались за то, чтобы греческие воины укрылись за стенами города и ожидали штурма персов.

Командовать греческими силами поручили комитету из трех военачальников, своеобразному триумvirату, на усмотрение которого было передано решение вопроса о стратегии борьбы с завоевателями. Двое из них высказывались за оборонительную тактику, а третий, знаменитый Мильтиад, требовал атаковать врага; его мнение возобладало, и два других военачальника передали Мильтиаду свои полномочия, согласившись, что именно он должен вести в бой греческую армию, раз он взял на себя ответственность.

Армии расположились между тем на виду друг у друга на Маратонском поле между горами и морем. Их разделяла всего лишь миля. В отдалении громада персидских войск простиралась, насколько мог видеть глаз, длинными рядами шатров и тысячами всадников, готовых к бою. Греки компактно разместились на ограниченном пространстве, без кавалерии, без тяжелых доспехов, фактически без вооружения, пригодного для наступления или обороны, – они были готовы лишь к рукопашной схватке. Энергичный натиск и быстрота действий, мощные, разящие удары – такую тактику выбрал Мильтиад. Тем временем персы, кичась своей численностью и уверенностью в победе, медленно двигались вперед, не опасаясь, что небольшое войско греков сможет нанести им сколько-нибудь серьезный ущерб. Завоеватели везли с собой в обозе мраморные блоки, из которых после битвы следовало сложить на поле брани памятник в честь их победы!

Наконец греки стронулись с места. По мере продвижения они ускоряли свой ход все больше и больше, а выйдя к передовым линиям персов, перешли на бег. Удивление персов этим неожиданным и смелым натиском сменилось сначала боевым азартом, а затем всеобщим ужасом и паникой. Ничто не могло противостоять безудержному порыву греков. Отважные эллины прорубали себе мечами путь среди врагов, непреклонные в своем стремле-

нии к победе. В течение нескольких часов продолжалось нечто вроде сражения. Но в итоге персы обратились в бегство. Много персов было убито, другие увязли в болотах, третьи заблудились и тщетно искали спасения в горных ущельях. Те, кому удалось добежать до берега, в спешке садились на корабли и отчаливали, оставляя убитых и умирающих соратников.

Греки захватили много дорогих трофеев. Им достались также мраморные блоки, которые привезли персы, чтобы увековечить свою предполагаемую победу, но вместо этого греки соорудили монумент в память поражения завоевателей. Подсчитали потери. Персы потеряли 6 тысяч убитыми, греки – только 200 человек. Тела убитых греков собрали и захоронили в братской могиле на поле брани. Над могилой вырос огромный курган.

Марафонская битва стала одним из тех исторических событий, которое во все века вызывало восхищение человечества. Сейчас, как и прежде, поле обращено к морю, по его краям возвышаются горы. Сохранился и холм, воздвигнутый в честь павших греческих героев. Нынешние греки, несмотря на то что им приходится переживать трудный период истории, должно быть, чувствуют на Марафонском поле воодушевление, когда размышляют об источниках высокого морального духа своих предков. Один из них словами Байрона произносит:

Горы глядят на Марафон,
А Марафон смотрит в море;
И, размышляя там в одиночестве,
Я представлял, что греки все еще свободны;
Ведь, стоя на могиле персов,
Я не мог представить себя рабом.

Глава 12

Смерть Дария

Город Афины и Марафонское поле расположены на полуострове. Основной порт, ведущий в город, находится на южном побережье полуострова, однако персы высадились на его северной стороне. Естественно, они бежали с поля боя на север. Когда персы оказались вне пределов досягаемости греков, в море, они пребывали в растерянности, не зная, что предпринять. Датис отнюдь не желал возвращаться к Дарию с вестью о таком поражении. Однако он полагал, что повторная высадка на греческое побережье вряд ли дала бы иной результат.

Греческий проводник Гиппий погиб в сражении. Он предчувствовал гибель, поскольку наутро перед битвой находился в чрезвычайно удрученном состоянии, хотя до этого утра был полон оптимизма и уверен в победе персов, но неожиданно его настроение изменилось. Уверенность Гиппию придавал сон, уныние же его проистекало из пустячного повода. Знамением, обещавшим успех предприятию персов, к которому грек присоединился в качестве проводника, он посчитал сон, в котором увидел себя разговаривающим с матерью. Утром, пытаясь истолковать сон, Гиппий посчитал, что мать представляла его родной город – Афины, в котором восстановится его власть. Подтверждение небесными силами реальности надежд Гиппия вернуть власть крайне воодушевило грека. Он пошел бы в бой с полной уверенностью в победе, если бы другое происшествие, случившееся во время высадки персов на берег, не повергло его чаяния в прах. Вся ответственность за высадку лежала на греке. Он расположил корабли вдоль побережья в нужных местах, обеспечил успешную высадку войск и следил за тем, чтобы они построились на берегу в боевом порядке. И вдруг стоя на берегу, он внезапно расчихался. Гиппий был уже стариком, а его оставшиеся зубы сильно расшатаны. Один из них выпал и оказался в песке. Это обстоятельство крайне расстроило Гиппия, он счел его дурным предзнаменованием. Грек долго смотрел на свой бесполезный теперь зуб и затем изрек в отчаянии, что все кончено. Падение зуба в родную землю вынудило Гиппия по-новому истолковать вещий сон, теперь у него не было надежды на благополучный исход экспедиции. После этого он продолжал готовить персов к сражению, но в его душе роились дурные предчувствия. Гиппий действовал вяло и нерешительно. Когда наутро после битвы греки осматривали поле брани, труп

Гиппия нашли среди изуродованных останков персов, покрывавших землю.

Теперь персидский флот двигался вдоль побережья Аттики без греческого проводника, однако персам все еще не хотелось покидать страну. Они шли вдоль побережья вплоть до мыса Суниум, расположенного на юго-восточной оконечности полуострова. Корабли обогнули мыс и следовали вдоль южного побережья полуострова до тех пор, пока не вышли на траверз Афин. В это время к Афинам подошли спартанцы, посланные на помощь афинянам, но они опоздали, Марафонская битва уже закончилась. Персы, увидев с палуб галер, что страна приготовилась их встретить во всеоружии, больше не осмелились высадиться на берег. Персидский флот взял курс к берегам Азии.

Естественно, Датис нервничал. Он опасался гнева Дария, ибо восточные деспоты считали военные поражения худшими из преступлений. Однако поход нельзя было рассматривать как полный провал. Датису удалось захватить много греческих островов, на борту галер везли много пленных и значительные трофеи. И все же самое главное поручение Дария выполнено не было, и персидский военачальник не испытывал ни малейших иллюзий относительно приема, который ему окажут в Сузах.

Ночью Датис увидел сон, крайне обеспокоивший его. Он проснулся утром под впечатлением увиденного во сне эпизода, из которого военачальник узнал, что его воины во время похода разграбили греческий храм, а трофеи спрятали на одной из галер. Датис немедленно приказал обыскать каждый корабль. Наконец на одной из них обнаружили золотую статую Аполлона. Датис поинтересовался, как называется город, из которого вывезена статуя. Делий, ответили ему. Делий располагался на побережье Аттики около места высадки персов, откуда они двинулись на Марафонское поле. У персидского военачальника не было возможности тайком пробраться к храму и установить статую Аполлона на прежнем месте. Поэтому он решил поместить статую на время в Делосе, пока не представится случай перевезти ее в Делийский храм.

Делос – небольшой, но весьма знаменитый остров почти в центре Эгейского моря, находящийся недалеко от того места, где Датис обнаружил на галере статую греческого бога. Остров считался священным, на нем совершались религиозные церемонии и ритуалы, на нем не допускались, насколько возможно, ссоры, насилие, страдания и смерть. С острова эвакуировали всех больных, там не производилось захоронение покойников. Военные корабли и воины при приближении к острову прекращали войну. Враждебные флоты становились на якорь возле острова, их эки-

пажи наблюдали чарующие картины мира, спокойствия и счастья на берегу. В центре острова бил из-под земли большой естественный фонтан, точнее, источник диаметром тридцать футов, огороженный частично скалами, частично выстроенной людьми стеной. Эта чудная родниковая вода орошала богатую растительностью плодородную долину, по которой водный поток несколько миль причудливо извивался, пробиваясь к морю. Порт примыкал к большому населенному городу, а весь остров украшали храмы, дворцы, колоннады и другие прекрасные архитектурные сооружения, вызывавшие восхищение у всех его гостей. Эта красота и великолепие, однако, уже давно исчезли с лица земли. Сейчас остров выглядит безмолвным, пустынным и заброшенным, он превратился в унылое пастбище, на котором среди древних развалин пасется домашний скот. На острове ничего не осталось от бывшего величия, разве что фонтан. Он все еще выносит из-под земли чистую прозрачную воду, которая не прекращает беспрерывного вечного течения.

Именно на острове Делос и решил поместить Датис золотую статую. Он привез ее на своей флагманской галере и сам доставил статую на священный остров. Персидский военачальник поместил святыню в большой храм Аполлона, поручив жрецам передать ее при случае в прежний Делийский храм.

После этого персидский флот снова вышел в море и направился к берегам Азии, где войска наконец благополучно сошли на берег.

Различные подразделения армии отправили в провинции, к которым они принадлежали, а Датис с войсками, состоявшими из персов, двинулся в Сузы. Он вез трофеи и пленных, но был весьма не уверен в приеме, который ему окажет Дарий. К счастью для Датиса, во время прибытия персидской армии в Сузы царь находился в благодушном настроении. Он принял военачальника без проявления гнева и даже к пленным отнесся гуманно.

Перед тем как закрыть тему знаменитого похода, который завершился великой битвой на Марафонском поле, стоит рассказать о неординарных обстоятельствах, которые сопутствовали в дальнейшем жизни выдающегося полководца греческих войск в этой битве – Мильтиада. До сражения он не выделялся среди других греческих военачальников, но после победы его верховенство в греческом командовании стало неоспоримым. Другие военачальники приняли ведущую роль Мильтиада и не претендовали на равенство с ним. Ему было позволено вести боевые действия по своему усмотрению. Если бы битва была проиграна, Мильтиад, пусть даже и не погибший на поле брани, потерял бы все. Но поскольку греки победили, он поднялся на вершину славы и известности.

В этом, как и во всех подобных случаях, успех или неудача зависели от обстоятельств, не поддающихся человеческому предвидению или контролю. Военачальник, оказавшийся в таких обстоятельствах, вынужден ставить на кон все, и это столь же опасно, как метание жребия, определяющего жизнь или смерть.

После бегства персидских войск авторитет Мильтиада в Афинах никто не подвергал сомнению. Располагая верховной военной властью, он стал готовиться к новым военным предприятиям. Но лучше бы он удовлетворился достигнутой славой.

Он посчитал некоторые островные государства Эгейского моря соучастниками персидского вторжения и объявил им войну. И первым привлек его внимание остров Парос. Этот большой и стратегически важный остров располагается в центре южной части Эгейского моря. Он овальной формы и вытянут в длину на 12 миль. Остров имел разнообразную растительность и был весьма живописен, его почва отличалась плодородием, на его западном берегу у моря располагался большой город, тоже называвшийся Парос.

Во время возвышения Мильтиада остров и город Парос представляли собой богатое и могущественное государственное образование. Мильтиад придумал, как наказать население. Он решил потребовать огромную контрибуцию в виде штрафов за то, что греческий военачальник рассматривал как измену, то есть соучастие в агрессии против соотечественников. Чтобы не дать паросцам подготовиться к защите острова, греческий военачальник держал в секрете цель экспедиции на остров афинян. Он предложил афинянам построить флот из 70 кораблей и передать их под его командование. Мильтиад сказал, что не хотел бы раскрывать свои планы, но в случае успеха обещал вернуться в ближайшее время в Афины с богатыми грузами, которые обогатят город и возместят расходы горожан на оснащение флота.

Популярность и влияние Мильтиада после победы в Марафонской битве были столь велики, что все согласилось с его несколько странным предложением. Афиняне построили и оснастили флот, сформировали экипажи кораблей и контингент войск вторжения. Все это передали под командование Мильтиада. Воины и экипажи на галерах не знали целей и пункта назначения похода. Мильтиад обещал им щедрое вознаграждение, в остальном, по его словам, они должны во всем положиться на своего полководца. Участники похода удовлетворились этими условиями, и флот отбыл в море.

Жители Пароса были, разумеется, удивлены прибытием флота афинян, но они приготовились, насколько позволяло время, к энергичному сопротивлению непрошеным гостям. Мильтиад

осадил город и послал туда гонца с требованием выплатить в качестве выкупа огромную сумму денег. Одновременно он предупредил, что, если паросцы не выплатят этой суммы или, как минимум, не дадут гарантий ее выплаты, он не покинет остров, пока не возьмет город штурмом и не разрушит его до основания. Островитяне отвергли ультиматум и стали активно готовиться к обороне. Вскоре обнаружилось, что паросцы преуспели в строительстве оборонительных укреплений гораздо больше, чем Мильтиад в осаде города. Афинский военачальник понял, что штурм укрепленного острова в Эгейском море – дело гораздо более трудное, чем бой с недисциплинированными ордами персов на Марафонском поле. Мильтиад обнаружил, что храбрость и дисциплина его войск уравнивались теми же качествами со стороны противника, имевшего вооружение и снаряжение не хуже, чем у афинян. Короче говоря, здесь греки сражались против греков, и в конце концов афинский военачальник убедился, что перспективы на победу его войск становятся все более сомнительными и туманными.

Такое состояние дел, конечно, беспокоило и удручало Мильтиада. Ведь после обещаний, данных афинянам, военачальник не мог вернуться ни с чем в Афины. Пока он пребывал в смятенном состоянии, его воины захватили в плен группу островитян, и среди них была женщина. Оказалось, что это жрица одного из паросских храмов, ее звали Тимо. Афинскому военачальнику подумалось: вдруг плененная жрица поможет ему. Поскольку жрица служила в паросском храме, она могла влиять на богов этого храма или, по крайней мере, знала способы добиться их благоволения.

Мильтиад встретился с Тимо и спросил жрицу, что она могла бы сделать для получения от божеств Пароса содействия его планам захвата города. Та ответила, что легко могла бы это сделать, если бы Мильтиад строго следовал ее рекомендациям. Ободренный военачальник с готовностью обещал ей это. Тогда жрица тайком снабдила его наставлениями. Существо этих наставлений неизвестно, разве что они раскрываются в ходе последующих событий.

Близ города имелся храм, посвященный богине Керес, покровительнице Пароса. Храм был огорожен забором, однако в него можно было пройти через ворота, когда они не запирались изнутри. Следуя указаниям Тимо, Мильтиад пошел ночью в этот храм с несколькими слугами. Он попытался войти в храм через ворота, однако они оказались закрытыми. Тогда он перелез через забор и в соответствии с наставлениями Тимо направился в храм. Как явствует из предания, какие бы действия ни предпринимал

Мильтиад по указаниям Тимо, они на самом деле были не средством получения благоволения божества, а, наоборот, провоцировали его гнев. Когда Мильтиад приблизился к храму, его охватил суеверный ужас. Обезумев от страха, афинский военачальник пустился наутек. Он добежал до забора и, пытаясь в спешке перебраться через него, соскальзывал вниз. Слуги попытались его подсадить. Однако у Мильтиада ничего не получалось, он стонал от боли. Слуги обнаружили у него вывих. Военачальнику оказали помощь, но вместо выздоровления его недуг становился все более серьезным. Словом, великий победитель персов был низвергнут с пьедестала. Он лежал в постели и стонал как ребенок.

Вскоре Мильтиад решил снять осаду Пароса и вернуться в Афины. Он вернулся домой без богатой добычи. Разочарование афиныян вскоре сменилось неприязнью, о славе победителя в Маратонской битве все забыли. Враги и соперники, умолкшие после его успехов, воспрянули духом. Они связывали неудачу с неумелым командованием экспедицией.

Один из ораторов даже предложил лишить Мильтиада статуса, обвинив его в том, что его подкупили персы и потому осада Пароса превратилась в фарс. Военачальник не мог опровергнуть эти обвинения, поскольку лежал в это время в постели, корчась от боли. Вывих перешел в открытую рану. Усилия врачей не принесли выздоровления. Больной быстро терял силы. Его сын Кимон делал все возможное, чтобы спасти отца от обеих опасностей. Он защищал отца в ходе судебных разбирательств и оказывал ему врачебную помощь в тюремной камере. Однако хлопоты сына не дали результатов. Трибунал признал Мильтиада виновным, военачальник умер от раны.

Его приговорили к выплате огромного штрафа. Он составлял сумму расходов города на экспедицию в Парос, и, поскольку сборы на экспедицию проходили через ведомство Мильтиада, того обязали возместить их потерю. Этот приговор, так же как и отношение соотечественников с Мильтиадом, рассматриваются человечеством как несправедливые и жестокие. Когда Мильтиад умер, Кимон узнал, что не сможет получить тело отца для почетного захоронения, пока не выплатит штраф. У него не было собственных средств для этого. В конце концов Кимону удалось собрать необходимую сумму благодаря пожертвованиям родственников своего отца. Он внес сумму штрафа в городскую казну, тело героя было предано наконец земле.

Жители Пароса сначала крайне возмутились поведением жрицы Тимо. Им казалось, что она предала город. Паросцы даже хотели убить ее, но не посмели, поскольку лишение жизни жрицы выглядело кощунством. Тогда паросцы попросили оракула Дель-

фийского храма высказать свое суждение об обстоятельствах дела, узнать у него, может ли казнь жрицы считаться законной. По их словам, вина жрицы в том, что она указала врагу способ захватить город, более того, она осмелилась допустить врага на торжественные мистерии в храме, наблюдать которые запрещалось любому человеку нежреческого сословия. Оракул вынес суждение, что жрицу не следует наказывать, поскольку она не совершила ничего дурного. Крах Мильтиада был предопределен богами, а Тимо невольно служила инструментом осуществления его судьбы.

Но вернемся к Дарию. Его стремление подчинить греков и присоединить их страну к своим владениям, его решимость осуществить свою цель не только не уменьшились, а усилились после того, как первое вторжение персидской армии на греческую территорию было отбито. Афиняне разгневали царя. Казалось, он рассматривал их мужество и энергию в защите родины как личное оскорбление и преступление. Дарий решил организовать новый поход в Грецию, мобилизовав еще больше сил и средств. На этот раз он решил сам командовать армией и подготовиться к походу так, как подобает великому властителю половины мира. Царь разослал повеления во все провинции и подвластные территории выделить свои квоты войск, лошадей, кораблей и военного снаряжения и сосредоточить их в пунктах сбора, которые он назовет перед выступлением в поход.

Подготовка к походу длилась несколько лет. Но прежде чем реализовать свои завоевательные планы, царь решил урегулировать вопрос о наследовании престола. У него было несколько сыновей, каждый из них мог претендовать на трон, если царь не вернется из похода, а также вовлечь империю в разрушительные гражданские войны для подкрепления своих претензий. Историки утверждают, что в Персии даже существовал закон, не позволяющий монарху покидать страну без назначения наследника. Трудно себе представить, на основе какой власти или авторитета этот закон мог претворяться в жизнь, или поверить в то, что монархи, подобные Дарию, могли считаться в своих действиях с каким-либо законом. Во всех сообществах, диких или цивилизованных, существуют законы, регулирующие отношения между людьми. Они опираются на обычаи или юридические постановления судов. Большинство деспотических правителей и абсолютных монархов считают себя обязанными следовать этим законам в тех случаях, когда они определяют судьбы их подданных. В тех же случаях, когда речь идет об их поступках или решениях, они редко признают какую-либо иную власть, кроме импульсов собственной самодержавной воли.

У Дария было несколько сыновей, включая двух, которые претендовали на наследование трона отца. Старший из них родился еще до того, как Дарий стал царем. Его звали Артобазан. Другой сын родился от Атоссы, дочери Кира, которую Дарий взял в жены после восшествия на престол. Его звали Ксеркс. Артобазан считал, что имеет неоспоримое право быть наследником отца как старший сын. Между тем Ксеркс указывал, что Артобазан родился в то время, когда Дарий еще не был царем. Тогда он был частным лицом, а сыновья могут при рождении наследовать то, чем реально владеют их отцы. Сам же Ксеркс считал себя старшим сыном среди царевичей, рожденных в период, когда отец правил в качестве царя, и потому именно он является подлинным наследником престола. Как сын Атоссы он являлся также внуком Кира и, следовательно, обладателем наследственных прав великого основателя империи.

Дарий решил вопрос о престолонаследии в пользу Ксеркса и затем занялся подготовкой к военному походу. Этим планам, однако, не суждено было осуществиться. Неожиданно царь заболел и умер как раз перед выступлением в поход. Его сын Ксеркс взял в свои руки бразды правления империей.

Новый царь сразу же занялся делом отца и выступил в поход против греков во главе своих войск. Однако этот поход и по численности войск, принимавших в нем участие, и по расстоянию, которое преодолели эти войска, и по огромному значению его результатов заслуживает права считаться одним из величайших военных предприятий, на которое посягнули человеческие амбиции и власть. Тем не менее, рассказ об этом грандиозном предприятии и его конечной судьбе относится уже к истории правления Ксеркса.

Величие Дария, несомненно, в величии его властных полномочий, но не личности. Он был абсолютным властителем почти половины известного тогда мира и в качестве такового привлекает внимание человечества, которое глядит с восхищением и страхом на эти необъятные прерогативы власти, как на горные вершины, просто потому, что они высоки. За время своего правления Дарий не совершил каких-либо великих дел и не достиг великих целей. Он даже не совершил каких-либо ярких поступков эмоционального характера. В памяти людей он остается как иллюстрация величия без достоинства, успеха без заслуг, обширной и долговременной власти без внушительных результатов, целей без их достижения, всемирной известности без уважения и восхищения. Человечество восхищается Цезарем, Ганнибалом, Александром Македонским, королем Альфредом и Наполеоном благодаря их свершениям. Его интересует Дарий лишь благодаря его высо-

кому положению. Его удивляет это высокое положение, так же как и ржущий конь, вознесший Дария на вершину власти.